

Жарылқап Бейсенбайұлы

Бейсенбайұлы Жарылқап родился в 1947 году. Прозаик, журналист-исследователь, долгие годы работает в средствах массовой информации. Первый главный редактор газеты «Ана тілі», лауреат премии Союза молодежи Казахстана. Сейчас главный редактор журнала «Мәдени мұра» – «Культурное наследие». Автор книг на казахском языке: «По тропам Шокана» (1977), сборников эссе о художниках новейшего времени «Единственное яблоко, восхитившее весь Париж» (1981), «В мире казахского этикета» (1982), «Судьба Шокана» (1987), «Казахская генеалогия» (1994), «По следам подлинной истории пратюрков» (2006) и романа-эссе о жизни великого казахского ученого Ш.Валиханова «Шокан» (2009), главы из которого мы представляем сегодня нашим читателям.

ДЕТСТВО И КАДЕТСКИЕ ГОДЫ ЧОКАНА

МЕСТО РОЖДЕНИЯ – ОРДА КУНТИМЕС В ОБАГАНЕ

Осенью 1834 года (по старому календарю – 30 августа) в местности Караоба, которая расположена в среднем течении реки Обаган, протекающей через озеро Кушмурун на север и впадающей в Тобол, издавна известной народу как центр бурной ярмарки, произошло событие, собравшее очень много людей со всей округи. Это был съезд, посвященный церемонии выборов старшего султана Аманкарагайского округа – нового административного края на казахской земле, охватывающего территорию между реками Есиль и Тобол.

Все прошло в соответствии со сложившимся в то время порядком оказания почестей и восхвалений при избрании главы округа. В долине между озерами Коба и Талды было сооружено огромное количество юрт. Заготовлены потребное поголовье скота, предназначенного для забоя, объем кумыса. Между элитами родов керей, уак, аргын, кипчак, обитавших на территории только что открытого административного округа, по поводу кандидатуры на должность старшего султана, похоже, особых разногласий, противоречий не возникло. Султаны во главе с внуком правителя родов аргын и кипчак Тобольской, Тургайской земли Батыр хана Жумой Кудаймендеулы, долгие годы находившимся у руля общества, избрали главой округа внука знаменитого Абылай хана, сына последнего хана Среднего жуза Вали, незадолго до этого окончившего военное учебное заведение в Омске, двадцатитрехлетнего джигита Чингиса Валиева. На торжествах, проходивших с участием казачьей сотни под руководством полковника Ф.К. Шубина, биями-заседателями от казахов нового округа были избраны известные личности региона – бий из рода аргын Жазы Жанулы и бий из рода сибан керей Есеней Естемесулы.

Омской администрацией было решено открыть центр нового округа в давно известной народу местности Караоба. Силами солдат, выделенных новому округу, велась заготовка делового леса для строительства зданий, работа закипела. Быстро были возведены контора, казармы, другие необходимые помещения. Новое укрепление в соответствии с округом назвали Аманкарагайским.

После избрания старшим султаном Чингис перевез сюда из ханской ставки в Сырымбете доставшееся ему в наследство имущество, молодую жену Зейнеп семьи своих туленгутов и обосновался здесь. Зейнеп была дочерью прославленного Шорман бия, который являлся верховным бием рода каржас в Баянауле. С юных лет он был широко известен своим красноречием, но особую славу ему принесло одно из судебных разбирательств с участием хана Вали и исполнявшего в ту пору обязанности бия-заседателя старшего султана Баянаула Шона Едигеулы, на котором он благодаря исключительным ораторским способностям сумел отстоять интересы своего рода и впоследствии, после кончины Шона, был избран главой округа.

В следующем, 1835 году, в конце декабря, когда народ полностью обосновался на зимнем стойбище, в семье молодого султана родился первенец, которого нарекли именем Мухаммед-Канафия.

В документах относительно жизни Чокана нет четких сведений о конкретном месте его рождения. В воспоминаниях современников и биографических материалах говорится, что он родился в крепости Кушмурун. Именно поэтому в научной литературе и художественных произведениях местом рождения Чокана было принято писать Кушмурунское укрепление.

А это мнение связано в основном с последним периодом старшесултанства его отца Чингиса Валиханова в долине Обагана, с месторасположением центра округа в 1847 году, то есть в год отправки Чокана в Омский кадетский корпус. Потому что в августе 1834 года, когда Чингиса избрали старшим султаном Аманкарагайского округа, Кушмурунской крепости еще не было. Первоначально центр Аманкарагайского округа был основан в местности Караоба в среднем течении реки Обаган, и он назывался по наименованию округа – Аманкарагаем. Только в 1844 году, когда центр округа перевели в Кушмурунскую крепость, поближе к движению приверженцев Кенесары, округ стал называться Кушмурунском. В 1859 году округ ликвидировали, и пока земли, входившие в его территорию, не включили в состав Кокшетауской и новой Атбасарской администраций, Кушмурунское укрепление оставалось центром округа.

Исторические документы свидетельствуют, что в те годы в крепости Кушмурун имелись солдатские казармы, склады боеприпасов, обмундирования, продуктов, окружная канцелярия, дом офицеров. Все здания и сооружения строились, возводились на глазах у старшего султана Чингиса...

Следовательно, Кушмурун имеет отношение к Чокану лишь после того, как в 1844 году он стал центром округа. Чокану тогда было девять лет.

Первенец старшего султана получил возможность бывать здесь только после указанного года до поступления в двенадцатилетнем возрасте в кадетский корпус, а также во время летних каникул. Известно, что в последние годы учебы в ходе составления карт-схем некоторых регионов приказа он нанес на бумагу схему местности расположения крепости вместе с окружающими озерами.

А где проходило раннее детство Чокана до Кушмуруна? Этот вопрос в свое время натолкнул автора этих строк на проведение немалых поисковых работ.

Первоначальный толчок всему этому дал безусловный авторитет в чокановедении, крупный ученый, академик Алькей Маргулан. Еще при жизни он несколько раз весьма интересно рассказывал о Чокане на лекциях, традиционно проводимых в Доме-музее М.О.Ауэзова в Алматы. Кажется, в одной из последних удивительно содержательных и занимательных лекций академик как бы между прочим обронил что «Чокан родился в ханской орде Кунтимес, что на реке Обаган». В отличие от уже привычного Кушмуруна несколько необычные для слуха названия «Обаган», «Кунтимес», «Ханская орда» действовали как нечто загадочное, таинственное...

Однажды при посещении дома ученого по заданию молодежной газеты, когда разговор коснулся Чокана, Алькей ага вновь упомянул вышеуказанное наименование.

– Чокан родился в орде, которая называлась Кунтимес, расположенной недалеко от города Обаган (академик так называл крепость Кушмурун)...

Но тогда у меня и в мыслях не было, что в будущем придется заниматься исследованием вопроса о месте рождения Чокана, поэтому не стали углубляться в эту проблему.

Это уже впоследствии, в 1985 году, накануне празднования в рамках ЮНЕСКО 150-летнего юбилея Чокана, когда редакция молодежной газеты запланировала организацию экспедиции по местам, где проходила его жизнь, где он трудился, в ходе подготовки к этой поездке я вновь вспомнил название Кунтимес, которое когда-то записал со слов академика. Уточнять что-либо уже не было возможности – Алькей ага умер в январе того года.

Мы беседовали с рядом ученых, занимающихся исследованием жизни Чокана. Оказалось, что многие из них вообще не слышали о местности Кунтимес. «Местом его рождения считается Кушмурун. Но, возможно, он появился на свет в Сырымбете», – примерно так замыкался круг их рассуждений.

Мы провели некоторое время в библиотеке и еще раз тщательно прочитали воспоминания Алькея Маргулана, которые он записывал со слов старожилков при посещении в конце 1950-х годов Сырымбета и позже опубликовал в газетах.

Немало повидавший и слышавший на своем веку аксакал по имени Сары Ибраулы поведал тогда Алькею ага следующее:

– В народе говорили, что после избрания в Обагане старшим султаном родов керей и уак Чингис всегда ездил в сопровождении прославленного уакского бия Ихласа. Перебравшись на новое место, старший султан приступил к строительству себе дома. Мастера плотницкого дела за короткий срок построили ему роскошную орду.

Сын младшего брата Чокана Жакуп, в детстве воспитывавшийся у деда Чингиса, Кульш Жакупулы в своей беседе с академиком дальше углубляет эти сведения:

– Чингис в своей орде в местности Кунтимес, что в Обаганском округе, открыл казахскую школу. Кунтимес – богатый, густолесистый край на севере Кушмуруна. Именно там находилась ставка Чингиса.

Итак, мы выяснили достоверность Кунтимеса.

Но именно в каком месте Аманкарагайского округа он расположен? Тщательно вглядываюсь в топографические карты, нарисованные Чоканом акварелью в 1852 году, когда он, ученик кадетского корпуса, приезжал домой на каникулы. С высоты нынешних дней очень высока значимость этих набросков, выполненных молодым кадетом. На них с особой скрупулезностью нанесены названия мест-

ностей того времени, топографические знаки. Предельно четко указаны стойбища казахов, населявших побережье Обагана, озера и реки, названия пикетов, дороги округа. Легко можно найти на этих схемах и место нахождения Аманкарагайского укрепления – первоначального центра округа.

Если наложить эту схему на современную карту, то она точно совпадает с аулом Караоба, расположенного вдоль шоссейной дороги Костанай-Сарыколь, где она пересекает реку Обаган. Это как раз та местность Караоба, где в 1834 году проходила церемония избрания Чингиса Валиханова старшим султаном Аманкарагайского приказа. На топографической карте «План летних стоянок аулов Кушмурунского округа», нарисованной в 1852 году кадетом Чоканом, изображены окрестности озер Талды, Копы, а эту местность под пикетом Аманкарагай он своей рукой арабской вязью пометил: «Караоба».

А где находится ставка Кунтимес?

Найти ответ на этот вопрос было одной из целей вышеуказанной экспедиции, организованной весной 1985 года газетой «Лениншіл жас» (нынешняя «Жас Алаш»).

* * *

В ходе экспедиции предстояло выяснить многочисленные грани жизни и облика Чокана путем посещения и осмысления разных местностей, где он жил, учился, путешествовал, трудился, пережил самые непредвиденные приключения судьбы. Поскольку экспедицию надо было завершить к осени 1985 года, к празднованию юбилея великого ученого в рамках ЮНЕСКО, а ход путешествия, распределенного на периоды, – планировалось последовательно публиковать в газете, и чтобы уложиться во все намеченные сроки, мы с наступлением первых весенних дней, несмотря на слякоть, выступили в дорогу.

В тот год весна выдалась поздней, но дружной и доставила немало хлопот Костанайскому региону. Снег, всю зиму укрывавший плотным толстым одеялом всю степь, долины и овраги, реки и озера, под действием прямых теплых лучей весеннего солнца стал быстро таять. Буквально за пару дней то там, то здесь образовывались озерки, настоящие бурные реки из талых вод. В иные летние сезоны высыхающие почти до дна такие малые речки, как Кундызды и Карасу, Тогузак и Жилкуар, Айет и Ащибай, вышли из берегов и показали свой необычный буйный нрав. Резко поднялся уровень воды в Тоболе и Обагане, затопив многие прибрежные дома. Над некоторыми населенными пунктами, основными дорогами нависла серьезная угроза затопления, а поскольку отдельные участки грейдерных трасс все же были смыты, между многими аулами связь прервалась на два-три дня...

Свое путешествие мы решили начать с Кушмуруна, который многие считали местом рождения Чокана.

Кушмурун – название местности южнее одноименного озера. По словам местных старожилов, это название вообще-то дано не озеру, а связано с возвышенностью, расположенной к югу от него. Заостренный с одной стороны, этот холм издали напоминает клюв огромной птицы. Поэтому его так и называли («Кусмурун» – буквально «птичий клюв»). А большое озеро, находящееся с северной стороны холма, которое сегодня известно как Кушмурунское, в народе раньше называли Тенизколь. И на картах, нарисованных Чоканом в кадетские годы, оно так и названо – Тениз.

Мы стоим на возвышенности, недалеко от которой когда-то был основан центр округа Кушмурун. Сила ветра, который совсем не замечался внизу, здесь была довольно значительной. С этой высоты все вокруг видно как на ладони. Первое, что бросается в глаза, конечно же, – огромное водное зеркало Тенизколя, через которое протекает Обаган. Оно тянется до самого горизонта.

В озеро впадает бесчисленное количество мелких речушек. Среди них достаточно многоводными являются Басбулак, Ортабулак, Аякбулак, берега которых окаймлены густыми зарослями березы и осины, ивовой порослью и кустарником. С юго-восточной стороны холма раскинулась долина Ханжаткан. За ней чернеет аманкарагайский лес.

Окрестности Кушмурунской возвышенности в эти дни относятся к Аулиекольскому району. Любой из местных жителей может с гордостью рассказать, что именно здесь, где когда-то стояла крепость – центр окружного приказа, на берегах тех многих родников и речушек, проходили детские годы будущего великого ученого.

Стоя на холме, я вновь рассматриваю карты, начерченные рукой шестнадцатилетнего кадета Чокана. Вот, к примеру, окружная дорога, которая тянется от Кушмуруна на север. Затем можно заметить две линии на северо-востоке Тенизколя, перпендикулярно соединяющиеся с рекой Кундызды. Это родники Улутерисбутак и Кишитерисбутак.

На второй топографической карте, нарисованной Чоканом в 1852 году, тоже изображена долина этих двух рек. На карту нанесены казахские зимовья Мендыбай, Киикбай, Токанай, Мырзабек, расположенные недалеко от Улутерисбутака и Кундызды. Для нас заслуживающим внимание является следующий факт – одно из зимовий, наиболее близко находящееся к окружной дороге, ведущей к стоянкам рода буйдалы уак, рукой Чокана арабскими буквами обозначено «наш дом». По сведению, имеющемуся в предисловии пятого тома пятитомного собрания сочинений Ч. Валиханова от 1972 года, Кунтимес расположен в том месте. Этот факт повторяется и в первом томе обновленного издания пятитомника 1984 года.

Теперь наш путь лежал в сторону долины вдоль реки Кундызды. Ее можно достичь через поселок Карасу, сделав круг.

В Карасу знающие люди сказали нам, что на месте давних зимовий вдоль Улутерисбутака сейчас стоит аул Бакан.

...Автобус, следующий по маршруту Карасу-Костанай, сделал резкий поворот влево и, замедлив движение, вырулил на полевую дорогу, засыпанную щебнем. «Вон аул Бакан», – сказал сосед. Я быстро достал карту Чокана, затем посмотрел вокруг. Все совпадает. Впереди по курсу заметны темнеющие контуры извиляющегося Терисбутака с ивовыми, кустарниковыми берегами. С севера к аулу подступает впадина. Очень удобное место для зимовки в бурную пору. Дальше проглядываются крутые берега Кундызды.

В этом месте я сошел с автобуса и через некоторое время уже сидел среди аксакалов аула. Интересуюсь, конечно, особенностями этой местности, названиями зимовий, имеющих на карте Чокана.

– Да, да, когда-то в этих местах раньше были зимовки, надежно защищавшие людей и скот от пронизывающих ветров. О названиях Мендыбай, Киикбай, о которых ты говоришь, мы слышали в детстве. Сейчас эти земли – хлебные поля, да и названия другие... – сказали старики.

– А название Кунтимес в этих краях приходилось вам слышать?

Старики переглянулись.

– Я что-то не слышал такое, а ты?

– Я тоже, видимо, не было такого названия в наших местах, мы бы слышали...

* * *

Дальше наш путь лежал в сторону окрестностей старого Аманкарагайского укрепления, древней местности Караоба, которые четко обозначены на топографической карте-пейзаже Чокана. По карте основные поместья, присущие аулам старшего султана, расположены именно тут. Среди других пикетов, нанесенных шестнадцатилетним кадетом на карту вдоль дороги окружного приказа, также находился объект, который и до того приковывал наше внимание. Это место недалеко от озера Жолтай Чокан выделил особо, написав заглавными буквами «КСТАУ» («Зимовье»). Наверное, это и есть Кунтимес, думаю про себя

Поскольку данный регион, расположенный близко к старому Аманкарагайскому укреплению, входил в территорию Сарыкольского района, мы теперь направились туда. Нашей целью было сначала добраться до древней Караобы и там навести необходимые справки...

Утром следующего дня мы уже были в ауле Караоба, который располагался на правом берегу реки Обаган. В том месте, где второстепенная дорога поворачивает от трассы Сарыколь-Костанай налево и ведет в аул, на возвышенности стоял и сам могильник. То ли это надгробное сооружение, воздвигнутое в незапамятные времена в честь вождей, то ли останки укрепления, но как бы там ни

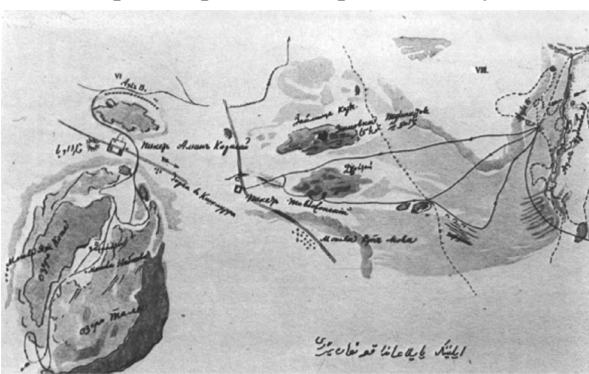
было сей объект был нанесен рукой Чокана. Я поднялся на курган. Взору открылись знакомые картины Чокана, нарисованные акварелью в 1852 году и названные «План летних стоянок аулов Кушмурунского округа». Вон в глаза сразу бросаются сверкающие зеркала озер Талды и Копа. Весеннее половодье соединило их и превратило в огромный водоем. Поверхность воды кишит птицами, недалеко от берега плавают пара лебедей. А вот слева виднеется небольшое озерко – Каймакколь. Когда-то на северном берегу озера, в том месте, где сейчас проходит широкая трасса, располагался аул, помеченный на карте Чокана. А первоначальный административный центр приказа – населенный пункт Караоба был основан именно на месте Аманкарагайского укрепления, нанесенного на карту. Окруженная со всех

Схема пикетной дороги между Кушмуруном и Уйской крепостью. Ч.Валиханов. Акварель. 1852 г.

сторон водоемами, эта местность как нельзя лучше подходит для оборонительных целей, думаю про себя. На карте на противоположном берегу большого озера, через которое протекает река Обаган, обозначен объект «Могила Жазы».

О прошлом этого края мне немало рассказывал старый учитель из Караобы Тасмухан Молдабайулы. Основанный на месте бывшего укрепления аул Караоба издавна был одним из продвинутых населенных пунктов региона, где уделяли большое внимание образованию. Еще в царское время здесь работала двухклассная русская школа для казахских детей. В ней преподавал известный педагог, поэт, переводчик Бекет Утетлеуов. В школе, куда много труда вложил этот человек, обучались ребята, ставшие впоследствии видными личностями. Один из прославленных ее воспитанников – большой мастер пера Габит Мусрепов. Писатель-классик в своем известном «Автобиографическом рассказе» посвятил немало теплых слов яркой личности своего наставника Бекета Утетлеуова. Тасмухан аксакал тоже учился у этого большого педагога. Аул Караоба в тридцатые годы прошлого столетия являлся даже районным центром.

План летних стоянок аулов Кушмурунского округа.
Ч.Валиханов. Акварель. 1852 г.

– Аксакал, вы знаете местность Кунтимес?
– Почему не знаю, знаю, конечно. Это недалеко отсюда, если идти напрямик, всего километров сорок.

Он указал в сторону севера, как раз туда, где согласно карте Чокана было нанесено поселение «КСТАУ».

– А слышали ли вы о том, что там располагалась ставка старшего султана Чингиса, отца Чокана?

– Об этом немного приходилось слышать... Однако историю этого региона, населенных пунктов лучше меня знает аксакал по имени Санас, который живет в ауле Кызыласкер. Поедем к нему, – сказал старый учитель, по-особому заинтересовавшийся топографическими пейзажами, нарисованными самим Чоканом.

Аксакалу Санасу в том году исполнилось девяносто пять лет, он глубоко знал прошлое. Дед поведал немало рассказов, сохранившихся в народной памяти, об одном из первых биев-заседателей Аманкарагайского округа, имя которого нанесено на карту-рисунок Чокана, бий нижнего шекты племени аргын, в свое время служившем проводником для русских геологов, которые искали в этих местах залежи руды, прививал степнякам земледельческие навыки, руководил селекционной работой по выведению нового сорта тургайского проса, Жазы Жанулы и его последователе – сыне Беген бий. Дал разъяснение и нанесенной рукой Чокана надписи «Могила Набокова» на полуострове Киндик, расположенном между озерами Копа и Талды. Много знал аксакал и о руководителе карательного отряда казачьем атамане Набокове, который вытеснил из этого края хана Кенесары; о волостном правителе рода сибан керей, одном из первых биев Аманкарагайского округа, старшем султанине Кушмуруна после Чингиса майоре Есенее Естемесулы.

– Вам известно о том, что в местности Кунтимес находилось зимовье старшего султана Чингиса?

– Как же неизвестно? Это зимовье Чингиса в пору, когда он был старшим султаном в этих краях. В свое время называлось «Орда тіккен» (буквально, «место основания орды»). В детские годы я видел и место расположения зимовья, и укрепленный камнем колодец, и мечеть, срубленную из бревен. Оно находилось с подветренной стороны густого леса. Впоследствии там был организован колхоз Кунтимес...

Так был найден Кунтимес, который мы так долго искали.

В тот же вечер мы оказалась и в самом Кунтимесе.

...Когда впереди показались березовые рощи, сопровождавший меня уроженец этого аула Кенжебай Дюсекеев воскликнул:

– Вот он – Кунтимес!

На поляне среди высоких берез виднелся небольшой аул, который буквально тонул в малиновых лучах заходящего солнца. Наша машина остановилась возле крайнего дома. На лавке перед домом сидел небольшого роста старец. «Историю зимовья хорошо знает этот старик», – сказал мой спутник.

Когда семидесятичетырехлетнему аксакалу Есма Габдолулы сказали, что мы интересуемся ордой Кунтимеса и всем, что касается Чокана, он сразу приступил к серьезному рассказу.

– Вот вы сейчас стоите как раз на том месте, где ступала нога Чокана, где прошло его детство, где он играл в альчики. Именно здесь – родные места Чокана.

– Говорят, здесь место бывшего зимовья?

– Да вот оно! – выпалил.

Есма аксакал живо встал с места и повел нас в сторону поляны, что была в метрах десяти от дома.

– Это место стены орды, – указал он на еле виднеющийся на земле след четырехугольника. – А это яма когда-то была колодцем Чингиса, укрепленным камнем, до последних лет держался в целости. А какая вкусная в нем была вода! Чуть дальше на возвышенном месте стояла мечеть, построенная из бревен. В те годы Чингис открыл в ней казахскую школу.

Через некоторое время мы уже сидели за столом в доме, и Есма аксакал продолжил рассказ об орде Кунтимес. Все совпадало с собранными раньше академиком Алькеем Маргуланом воспоминаниями. После избрания старшим султаном Чингис построил в местности Кунтимес, что в 40 километрах от укрепления Караоба, рядом с густым березовым лесом зимовье. С одной стороны укрепление рядом, с другой стороны, удобно вдоль озера Жолтай, что на западе, выйти на трассу округа. Это как раз указывают и линии, соединяющие на карте-рисунке Чокана зимовье и окружную дорогу.

– Когда старший султан Чингис, главная ставка которого много лет находилась в местности Кунтимес, после сложения своих полномочий стал собираться в Сырымбет, к нему обратился богач из рода сибан керей, обитавшего в этих краях, Усип Узденбайулы с просьбой, чтобы Чингис оставил ему Кунтимес. (Я посмотрел на топографический рисунок Чокана, который держал в руках. Там стойбище вдоль леса в восточной стороне зимовья Кунтимес было помечено «Аул Узденбая».) Чингис ответил Усипу: «Хорошо, я согласен, только ты свою

дочь Акык выдай за моего Жакупа. Пусть моя земля будет тебе калымом». На том они сошлись и стали сватами, Усип выдал дочь замуж и стал владельцем Кунтимеса. От Акык родились сыновья Кулыш (это он рассказал академику Маргулану о Кунтимесе), Нурыш и дочь Шакиш, – говорит дед Есма.

Вполне логично, что дед Есма хорошо знал эту историю. Оказывается, он потомок Данена – старшего брата Узденбая. (Судя по архивным материалам, Узденбай Баянулы и его сын Усип были в числе богатых людей своего времени. Когда Чингис переезжал из Обагана, Узденбаю было 62, сыну Усипу – 31-32 года.)

По тому, что было известно о Кунтимесе до этого и что мы узнали в ходе поездки, стало ясно, что Кунтимес являлся главной ставкой старшего султана Чингиса. Соответствует логике и утверждение, что это та местность, где родился Чокан. Как сказано выше, Чингис 30 августа 1834 года (по новому стилю примерно середина сентября) был избран старшим султаном Аманкарагайского округа. Пусть, скажем, в тот год он не смог построить Кунтимес, но ведь вполне возможно, что за все лето следующего года строительство было завершено. А в ноябре 1835 года родился Чокан. То есть нельзя не согласиться с утверждением Алькея Маргулана о Кунтимесе как о месте рождения Чокана.

В этом плане нас вновь могут выручить архивные свидетельства. Особую службу в этой связи сослужили копии исторических записок «Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска», которые нам предоставил известный писатель и архивист, пусть земля ему будет пухом, Амантай Сатаев после того, как в республиканской молодежной газете были опубликованы первые материалы о нашей поездке. В этой книге, составленной казачьим есаулом капитаном Г.Путинцевым и изданной в 1891 году в Омской типографии окружного штаба, приведены краткие сведения и комментарии о знаменательных событиях, произошедших в казахских степях в течение столетия – с 1789 по 1889 год. Среди огромного количества документов, представляющих собой ценные сведения об отдельных личностях, указаны год смерти Вали хана, какие старшие султаны возглавляли округа, а также с особой точностью приведен ряд дат относительно жизни Губайдоллы, Саржана, Кенесары, которые ошибочно указаны в научных трудах.

В разделе этого ценного документа, посвященного 1844-му году, мы нашли ответ на волновавший нас вопрос. Там после сведений о том, как в том году был открыт Кокпектинский округ... как есаул Рыбин в районе Каракенгира захватил в плен старшую жену Кенесары Кунимжан ханум вместе с 23-мя женщинами... как сарбазы Кенесары в ночь с 20-го на 21-е июля на берегу реки Улькейек наголову разбили отряд Ахмета Жантурина... есть четкая запись: «Аманкарагайский внешний округ был преобразован в Кошмурунский».

Следовательно, этот факт указывает на то, что не совсем верно утверждение, имевшее до этого место в пятитомнике Ч.Валиханова: «В 1835 году центр Аманкарагайского округа был переведен в Кушмурун, в связи с этим округ стал называться Кушмурунским... Семья Валихановых переехала в это укрепление...» Обычно названия округов на казахской земле бывают связаны со своими центрами. А Кушмурунская крепость была построена только после сороковых годов. Стало быть, Чокан никак не мог родиться в укреплении, которое в год его рождения еще не было основано. (В этой связи нельзя забывать и о том, что в

письмах Чингиса к западно-сибирским властям в Омск до 1844 года указывалось, что они отправлены из Аманкарагая близ Кунтимеса.)

Здесь следует напомнить, что быть старшим султаном округа не означает, что он живет именно в самом укреплении. Ибо в центрах округов главным образом проживали их русские заседатели, командовавшие войском, выделенным для округа. А старший султан со своей семьей, всем хозяйством выбирал удобные для стойбища места вблизи окружного центра. В этом плане достаточно сказать о том, что сам Чингис будучи старшим султаном Кокшетауского округа в 1857-1865 годы в основном жил не в центре округа – станице Кокшетау, а в девяносто километрах отсюда, на земле предков в Сырымбете, выезжая на традиционное джайляу в долине Акканбурлука. Лишь при проведении каких-то совещаний, мероприятий или появлении спорных проблем он специально приезжал в Кокшетау, а так многие вопросы решал, находясь в своей ставке в Сырымбете.

Одним из таких удобных стойбищ Чингиса в долине Обагана был именно Кунтимес, который на карте-схеме Чокана с особой тщательностью был отмечен заглавными буквами «КСТАУ», в котором он появился на свет.

* * *

В этой связи, думается, не будет лишним упомянуть, что наши долгие поиски настоящего места рождения Чокана были конкретно подтверждены сведениями, включенными в последние годы в научный оборот. Особо хочется выразить свою благодарность, удовлетворение по поводу программы «Культурное наследие», которая стала функционировать в нашей стране в начале XXI века и способствовала публикации многих документов, спрятанных в недрах различных архивов. Среди увидевших свет вещей по данной программе появилось немало трудов о неизвестных ранее источниках по истории страны, относительно великих людей нашего народа. Большой пласт подобных ценных сведений содержится в объемном сборнике секретных документов «О почетнейших и влиятельнейших ордынцах» (История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. VIII том. Часть 1, 2». Алматы: «Дайк-Пресс», 2006), специально подготовленных в виде отдельных донесений, кратких характеристик-докладов местных царских администраторов о видных личностях, султанах, биях и волостных управителях из казахской среды.

В этом ценном труде, содержащем множество сведений об известных людях казахского народа прошлых веков, мы нашли еще один несомненный ответ на вопрос, который всегда беспокоил и вынуждал нас на долгие поиски.

В документе, подготовленном в 1842 году пограничным управлением сибирских казахов, прямо указано, что зимовье «старшего султана Аманкарагайского окружного приказа, умного и скромного, достаточного, преданного правительству Чингиса Валиханова...» называется «**Кунтимес**» (там же, том 1, стр. 143-144, 342). Причем в тех сведениях четко подчеркивается, что первоначальным центром округа было Аманкарагайское укрепление. Причем указано, что зимовье Кунтимес расположено от окружного приказа (то есть от первоначального центра – Аманкарагайского укрепления) в 40 километрах. А в следующем документе, датированном 1851 годом, указано, что зимовье Чингиса Кунтимес находится в 120 километрах от центра округа (то есть от Кушмурунского укрепления нового округа). Следовательно, по этому безоговорочному доказательству видно, что

Чингис во все годы султанства в Обаганском регионе свою ставку в Кунтимесе не менял даже тогда, когда центр округа был переведен в Кушмурун. И жил там, как особо помечено на карте Чокана, до возвращения в Сырымбет.

С самого начала мы сомневались в правдивости издавна укоренившегося факта о месте рождения великого ученого в Кушмуруне, что послужило толчком к длительным поискам истины, и хотя наши находки удовлетворили большую часть публики, были и такие, которые продолжали сомневаться; но благодар программе «Культурное наследие» истина зимовья Кунтимес была еще раз доказана точными фактами.

В этих документах, введенных в научный оборот, также читаем, что «летние кочевки старшего султана Аманкарагая (затем Кушмуруна) Чингиса находятся при реках Ишим и Аккан-Бурлук». Это совпадает и со сведениями из статьи друга Чокана, известного путешественника Потанина «В юрте последнего киргизского царевича», которую он написал летом 1895 года после специального посещения аула уже постаревшего Чингиса. Автор тщательно рассказывает о том, что 85-летний Чингис по-прежнему летнее время проводит на джайляу в районе Акканбурлука, а зимой со всеми родственниками перебирается в дорогу для себя ставку Сырымбет, оставшуюся в наследство от матери Айганым.

Регион, охватывающий бассейны рек Иманбурлук, Акканбурлук – правых притоков Есиля, округу озер Салкынкуль, Калмакколь, расположенных южнее до самой реки Кызылсу, издревле являлся традиционным джайляу подвластных хану Среднего жуза Вали родов атыгай и караул племени аргын, родов еменали матакай, самый племени керей. Вместе с этими родами всегда кочевали, вместе зимовали дети Айганым, сыновья Чингиса (брата Вали хана) Сартай, Тортай, Жаналы, а также прославленный бий Зильгара Байтокаулы со своими семьями, многочисленными родственниками. То есть Чингис торе за двадцать лет старшесултанства в Аманкарагае, Кушмуруне не кочевал вместе с тамошними родами керей и уак на джайляу севернее рек Обаган и Есиль, а был верен привычке с наступлением лета направлять кочевье в составе около двадцати семей своих туленгутов на древнее джайляу своих предков, чтобы встретиться и поселиться вместе с родственниками, с которыми жил в разлуке многие зимние месяцы.

А зимовья населения, подвластного детям Вали хана от байбиче, располагались в районе Кызылагаш, Бурабай, оставшемся еще от Абылая, и летом оно устремлялось на юго-запад, на обильную травами широкую долину между реками Калкутан и Саркырама...

* * *

Когда старшему сыну Чокану исполнилось семь лет, отец-султан решил открыть в Кунтимесе школу, чтобы дать ему образование. В этом можно убедиться по донесению Чингиса от 1 июня 1842 года, написанному из Аманкарагайского укрепления (из Караобы) на имя Омского пограничного начальника сибирских казахов, полковника Н.Ф.Вишневого. В нем старший султан пишет: *«В настоящем году желаю устроить собственным коштом в аулах своих школы для обучения как своих, так равно и изъявивших желание к сему похвальному поступку кайсацких детей по татарской грамоте, но не имею средств достать для обучения их хорошего из татар учителя. Об этом донеся особе вашего высокоблагородия имею честь покорнейше просить начальнического вашего распоряжения о назначении*

знающего хорошо науки татарские учителя из татар, которого содержание и жалование за обучение детей будет производиться из собственного кошта кайсаков, отдающих в школу детей своих».

Через несколько дней от пограничного начальника майору Чингису Валиханову пришел ответ, в котором говорится: «На рапорт вашего высокоблагородия от 1 июня № 45 уведомляю Вас, почтеннейший султан, что предположение Ваше о наведении школы для обучения грамоте кайсацких детей мне весьма приятно и если она устроена будет при приказе, в таком случае я постараюсь сделать распоряжение о приискании в нее учителя».

В том, что качество преподавания в открытой Чингисом школе, было достаточно высоким, можно убедиться и по уровню образованности Чокана до его поступления в двенадцатилетнем возрасте в кадетский корпус. В Кунтимесской школе воспитанники учились на казахском языке читать, писать, изучали древнекагайский, арабский, персидский языки, учили наизусть стихотворения восточных поэтов, знакомились с казахскими народными эпосами, изучали историю и математику. То есть в ходе учебы Чокана на деле реализовывалось древнее традиционное требование, согласно которому дети султана должны были овладеть семью языками.

По сведениям старожилов, Чокан от рождения был исключительно одаренным, но все же на его духовное развитие огромное влияние оказали весьма образованная, прекрасно знавшая восточную литературу бабушка Айганым и прославленный бий Ихлас из рода уак, который постоянно находился при султани. Страсть Чокана впоследствии к изучению казахской истории, образцов устной литературы, видимо, берет начало с самых разнообразных рассказов, которые поведали ему с раннего детства любимая бабушка и мудрый бий.

Судя по сведениям, оставленным самим ученым, можно наблюдать, что он знал грамоту еще до открытия отцом школы. «В первый раз я услышал эту былинку, или, как он ее называет, рапсодию в Аманкарагайском округе, в кочевьях небольшого аула керлеут-кипчаков от акына Жумагула в 1841 году», — пишет он о поэме «Едиге». Тогда Чокану было шесть лет. В том году его отец Чингис записал поэму из уст Жумагула, затем дополнил вариантами других людей. А третий раз произведение вновь было записано по исполненному акыном Арыстанбаем из рода атыгай варианту. И наконец из этих трех списков Чокан вместе с отцом Чингисом составили в 1842 году свод, переписанный Ахмедом Жантуриным. Чокану, когда он участвовал в совершении этого большого труда, было всего семь лет.

Впоследствии он писал: «Самый замечательный исторический джир киргизский, это — Едиге, тот самый Идики, Эдеку и Идигей, о котором говорится в ярлыке Тохтамышша, тот самый темник, который разбил Витовта при Ворскле и управлял ордой безотчетно при четырех ханах». Безусловно, на ребенка оказывала неизгладимое впечатление художественная мощь поэмы. Особенно эффектно звучали строки, где Едиге, узнав о намерении хана орды Тохтамышша убить его, в обиду на него решил уйти за Волгу, но Тохтамыш, боясь возможной мести, отправил к нему специальную делегацию в составе девяти батыров, чтобы уговорить вернуться в орду, однако отказ бия был весьма резким. В этом месте сказители Жумагул и Арыстанбай буквально поднимались на вершину вдохновения и селевым потоком низвергали чудесные строфы дастана:

Не вернусь я, не вернусь,
Не перейду обратно через Едиль.
В белую орду с высокими сводами
С приветствием больше не войду.
Ибо стальной палицей удар получил.
Не возьму тонкую пиалу,
Не отведаю от ханского стола –
Губы замараны дурным веянием.
Даже если ты дашь мне шубу,
Ладно скроенную, с пуговками,
Не стану я ее надевать.
На плече моем появилась
От ногайцев недобрая короста.
Оседлав серого иноходца,
Привязав к седлу даулпаз,
Огибая гладь синего моря,
Если даже дашь сокола,
На коротком золотом шнуре,
Не буду охотиться у озера.
Если даже дашь скакуна,
Бегающего растопыркою,
Но быстроногого, как стрела,
Все равно не позарюсь на него.
Если даже дашь тулпара,
Норовистого, верткого, как змея,
Пусть у него широки ноздри,
И губы толсты, как чаша,
И зубы крупны и сильны,
След копыта, что земляной очаг,
Уши прямые, как камыш,
Но не надейся ты, не возьму...

Этот ответ с присущей степным героям удивительной ораторской тонкостью, высоким пафосом, естественно, поражал и Чокана, как и других слушателей, и он, конечно же, восхищаясь, мысленно уходил в героические времена древней, славной истории родного народа...

* * *

Нет сомнения в том, что в воспитании Чокана особую роль играло влияние отца.

Чингис Валиханов был одним из образованных людей своего времени. Архивные материалы свидетельствуют, что он первоначально получил хорошее образование в Сырымбете в медресе, затем одним из первых среди казахов – в Азиатской школе при Омском военном училище, что он хорошо разбирался в литературе и науках, сделал немало для ознакомления русских исследователей с жизнью, обычаями и традициями, искусством своего края.

Разностороннему старшему султану серьезные поручения давали и омские правители. Так, если пограничный начальник сибирских казахов М.В.Ладыженский в пору восстания Кенесары угрожал Чингису, то буквально через некоторое время, в феврале 1840 года пишет ему следующее письмо:

«Достопочтеннейшему старшему султану Аманкарагайского округа г. майору Чингису Валиеву.

Препоручаю Вам сделать для меня собрание песен, сказок, преданий и пословиц киргизского народа, столь богатого этими произведениями. При собрании прошу Вас наблюдать следующее. Собираемые стихотворения в киргизском народе разделить по смыслу их на тетради, из которых в первую поместить песни, какого бы содержания они ни были, замечательные по замыслу и стихосложению, по древности языка или, наконец, по славе их в степи, означая, впрочем, в заглавии песен, к какому роду они принадлежат, т. е. свадебные, похоронные, любовные, колыбельные или исторические. Сюда относятся джиры и похоронные песни, часто заключающие в себе имена прославившихся в степи богатырей в древние и новые времена.

В другую тетрадь собирать пословицы и поговорки, общеупотребительные в народе.

В третью, если есть вблизи Вас какие-нибудь развалины, целебные источники, камни с надписями, то узнать, как они называются и нет ли о них какого-нибудь предания, оное записать, наблюдая тоже в отношении некоторых урочищ, имеющих свою устную историю.

Наконец, собирать в четвертую тетрадь сказки, рассказываемые обыкновенно детям, и другие под названием богатырских, любовных и шуточных.

В заключение я надеюсь, что вы, милостивый государь, со своей стороны употребите все зависящие от Вас средства, чтобы дело это было окончено сколь возможно в непродолжительном времени с надлежащей полнотой».

Чингис оперативно приступил к выполнению данного поручения. Первым делом он отправил в Омск медный котел, найденный при рытье рва вокруг Аманкарагайского укрепления, возведенного на месте древней Караобы. В письме Чингиса Валиханова Ладыженскому говорилось, что были найдены также кувшины из жженой глины, но вследствие неаккуратного обращения они быстро рассыпались.

О сборе им образцов устной литературы свидетельствует запись упомянутой Чоканом поэмы «Едиге». Известно, что отец с сыном зафиксировали на бумаге многие произведения фольклора, такие как «Кара кыпшак Қобыланды», несколько вариантов «Қозы Көрпеш – Баян сұлу», «Ер Көкше – Ер Қосай» и «Орақ батыр» и передали в руки исследователей.

В 1850 году Чингис по запросу Русского географического общества отправил образцы национальной мужской одежды в Этнографический музей одежды народов, населяющих Россию (согласно регистру): лисья шапка, крытая синей канфой, бархатный тюбетей, обложенный выдрю и позументом, красного сукна вышитые разными шелками чамбары, желтый яргак из козлиных шкур, вышитый разными шелками и обложенный кругом бархатом и выдрю, на ситцевой подкладке, одна калта в серебряной оправе, сапоги, ножичек с ножнами с серебряной оправой, огниво, обложенное зеленым бархатом, оправленное серебром, пороховница из желтой кожи с серебряною оправою. В Русском географическом обществе всем этим, естественно, остались очень довольны. Советом этого общества на имя пограничного начальника было направлено письмо, в котором говорилось: «Совет

императорского Русского географического общества покорнейше просит Вас изъявить искреннюю признательность обществу старшему султану Кушмурунского округа г. майору Валиеву за доставление мужского киргиз-кайсацкого костюма, присланного при отношении вашем от 22 июня сего года за № 1605.

За вице-председателя член совета Н. Шульгин».

Архивные документы показывают, что Чингис и после этого не прерывал связи с русскими выставками. Так, в 1865 году он передал приехавшему в степь с комиссией генерал-майору А.К.Гейнсу кольчугу и шлем своего покойного отца Валихана, не менее любопытные и ценные вещи были доставлены на Московскую выставку 1876 года и на III Международную выставку, состоявшуюся в 1876 году в Санкт-Петербурге. Среди них были кожаный колчан под серебряною и частью золотою оправою, лук с пятью стрелами, суконные шаровары, аракчин, вышитый на бархате и обложенный выдрой, короткое ружье с фитилем, тубетейка, вышитая золотом, лисья шапка, обложенная куницей, украшенная серебром узда и т. д.

Уже по этим фактам можно судить, что Чингис был не только человеком, власть предрежащим, но и очень близким к искусству и наукам. Одно из ярких доказательств тому – открытие им в 1842 году, как сказано выше, казахской школы в ауле. В этой школе получили воспитание не только дети султана, но и многие казахские дети из всей округи.

В этом плане видно, что Чингис уделял большое внимание тому, чтобы его дети получили именно качественное образование. Неслучайно многие из них стали талантливыми личностями. Среди братьев Чокана особо отличились: Мақы – художник, воспитанник Петербургской художественной школы; Махмет – выпускник Омского кадетского корпуса, который после нескольких лет военной службы обосновался в Сырымбете, был прекрасным знатоком русской и зарубежной литературы, поддерживал тесные связи с востоковедами, инженерами; одаренный поэт и музыкант Сақыпкерей (Козыке), рано ушедший из жизни.

Несомненно, на всех их оказало позитивное влияние духовное воспитание, полученное в родных семейных стенах, отца, весьма близкого к древнему наследию народа, к исследовательской деятельности, к народной поэзии и музыке.

Доброе влияние родного гнезда с малых лет впитал и Чокан. В ставке старшего султана часто бывали бии-ораторы, акыны и сказители, певцы и музыканты. Здесь они проводили айтысы акынов, другие состязания по разным видам искусства. Чокан рос в особой духовной атмосфере, которую постоянно обогащали такие мастера искрометного ораторства, как Зильгара и Ихлас, Шанкэ и Асаубай, Жазы и Арыкбай, прославленные акыны и жырау Жанак и Жумагул, Арыстанбай и Нурумбай, Шуже и Орынбай, мастера-певцы Куке и Шакен, кюйши Досжан, сказители Каркен, Курумбай и свой брат Кангужа. Их глубокие мудрые мысли и высказывания, непревзойденные поэтические и удивительные музыкальные творения одаренный мальчик впитывал в себя так же, как и светлую любовь к родине, к родному народу, к его традициям.

Чингис Валиханов

В ставку старшего султана часто наведывались и инженеры-землемеры, топографы и художники, ученые и путешественники. У них будущий первый казахский профессиональный художник Чокан получал начальные уроки изобразительного искусства. Он стал верным, постоянным помощником, когда отец, по совету исследователей, участвовал в проведении раскопок, занимался сбором этнографических предметов, образцов устного народного творчества. Первоначальный интерес к древней истории своего народа у него начался именно в детские годы под огромным влиянием отца.

АККАНБУРЛУКСКИЕ ПРОСТОРЫ

В мае народ обычно приступает к заботам по откочевке на джайляу. Это самая долгожданная пора для всего населения. Прекрасные моменты кочевья, направившегося на джайляу, многодневный, полный непередаваемых впечатлений путь по зеленой равнине мимо березовых и осиновых рощ, с недолгими остановками на берегах чудесных озер с их веселым, радостным птичьим базаром, вдоль изумрудных родников и полноводных рек – все эти незабываемые картины на всю жизнь запечатлелись в памяти Чокана, как впрочем, и всех детей.

И в этом году накануне перекочевки аул переживал, как всегда, особую приподнятость. Поставленные после схода снега и с наступлением теплых дней рядом с кыстау юрты к вечеру были разобраны и связаны в тюки.

Рано утром началась суматоха по перекочевке. Тюки, шаныраки навьючили на верблюдов и накрыли коврами. На некоторых из них были сооружены из небольших тюков, войлока гнездообразные приспособления, чтобы поместить в них маленьких детей, кормящих матерей. Люди быстро позавтракали, затем погрузили на двухколесные арбы посуду, другую утварь, необходимую по дороге, и накрыли тонкими кошмами-сырмаками. В эти арбы запрягали быков, верблюдов, а в кареты и тарантасы для взрослых, бабушек и детей – лошадей. Семь-восемь верблюдов связали между собой, и общий поводок был вручен молодой женщине-всаднице в красиво вышитом, украшенном жемчужным бисером головном уборе – саукееле.

Именно в эти несколько дней пути дети от души скачут на стригунках и молодых конях, девушки надевают самые нарядные платья и камзолы, красивые украшения, головные уборы с перьями филина и тоже скачут наперегонки с юношами, одетыми также во все красивое и нарядное...

Аул старшего султана, называемый «ордой», после напутствий провожающих двинулся от Кунтимеса на юго-восток. Впереди чуть правее ехала группа всадников во главе с самим Чингисом торе. У многих из них на руках сидели ловчие птицы – соколы, ястребы, кобчики. В этой группе были и Чокан вместе с младшим братом Жакупом, которые ехали на подаренных им конях-трехлетках. За основным караваном с нагруженным скарбом следовали легкие тарантасы, грузовые арбы. В передней карете сидели дети старшего султана Бадигулжамал, Рахия, маленький Маки и Зейнеп ханум, которая в последние годы значительно пополнила. С одной стороны кочевья двигался табун лошадей, с другой – отара овец.

По дороге встречались и другие кочевья. Одни направлялись с южных зимовий на северные джайляу, другие – с северных зимовий на юго-восток. Караваны

богатых аулов издалека радовали глаз своей торжественностью, а бедные аулы выдавали их скрипучие телеги, в которые были запряжены быки, а также малочисленность имеющегося скота.

Аулы, попадающие по дороге, обычно заранее знают о кочевье старшего султана. В таких случаях старшины специально подъезжают к нему и совершают визит вежливости, высказывают пожелания «Көш көлікті болсын», «Көшке береке берсин» («Пусть кочевью будет светлая дорога», «Да будет изобильным кочевье») и т. п. По месту прибытия обычно высказывается пожелание «Еру қайырлы болсын» («Пусть добро сопутствует новому месту»), и по традиции в качестве положенного султану угощения режут барана или молодую лошадь. Дети тех аулов тоже верхом на стригунках соревнуются с детьми гостей в езде верхом, наиболее шустрые из них, опередив всех и подскакав к каретам и арбам, требуют «көштен бэйге» («подарок от кочевья»). Те, кто на подводе, как правило, совершая традиционный обряд шашу, горстями бросает курт и баурсаки. Дети, тут же соскочив с лошадей и расталкивая друг друга, подбирают сладости.

Двигаясь не спеша по покрытой густой зеленой травой степи, кочевье старшего султана, как обычно, на третий день добралось до Сарыколя. Это довольно большое, с песчаными берегами, пресное озеро. Камышовые заросли по берегам – настоящий рай для птиц. Прибывшие люди тут стали разгружать с подвод части юрт, быстро сооружая на первое время уранкай, абылайша, жаппа, итарка (разновидности юрты и шалаша – автор). Кто-то резал скот, другие ставили треноги, разжигали под ними огонь, приступая к приготовлению пищи. Сокольничьи, не теряя времени, отправились к озеру охотиться на птиц. К ним присоединились Чокан и Жакуп, которым очень нравился этот вид охоты.

Видимо, взрослые договорились заранее: на второй день сюда же прибыло со стороны зимовий Узунколя, Тыранколя и стало обосновываться кочевье Жалбыра торе, который годом раньше стал бием-заседателем Кушмурунского округа (его отец Абдильда был сыном Абылай хана, рожденный от Бабак ханум). До избрания бием округа, возглавляемого Чингисом, он был одним из торе волости рода еменали-керей. С Чингисом примерно одного возраста. В 1833 году ему было присвоено звание капитана. Если большинство родов керей и уак летом направлялось на север, то он вместе с близкими к нему семьями из рода еменали двигался на юг, где район традиционного джайляу, когда-то выделенный аулам, относящимся к ставке Абылай хана, – на долину правых притоков Есиля Конырсу и Кызылсу.

Поскольку джайляу предков Чингиса располагалось между Акканбурлуком и Конырсу, оба кочевья несколько дней двигались рядом. После ночевки на берегу Сарыколя на второй день рано утром они вновь тронулись в путь и к вечеру добрались до берега Бозшаколя. Это тоже было довольно обширное озеро с мелкими берегами, с обилием птиц. К водоему примыкает равнина, покрытая густым разнотравьем.

После Бозшаколя они взяли курс на Есиль и через некоторое время встретились с кочевьем аула волостного управителя рода сибан керей Есеней Естемесулы, которое двигалось на джайляу между озерами Жасылбагар и Кайранколь. Оно только что снялось с зимовья, расположенного вдоль Есиля, где протекал рукав реки Бетекей. Хотя Есеней был волостным управителем своего округа, Чингис относился к нему без особой теплоты. Когда он первый раз избирался старшим султаном Аманкарагая, Есеней был одним из биев-заседателей данного округа. Однако за злоупотребление служебным положением омские власти сняли его с должности в

1836 году. Тем не менее на пост окружного бия-заседателя был избран его родной зять, волостной управитель рода кошебе керей Табей Барлыбайулы. После десятилетнего пребывания в этой должности в прошлом году его сменил нынешний бий-заседатель Жалбыр Абдильдин. Есенею же с того времени, как был снят с должности заседателя, испытывал неприязнь к Чингису. В 1840 году он вновь попытался стать окружным бием-заседателем, но не смог достичь цели. Все же через два года всеми правдами и неправдами сумел избраться волостным управителем своего рода сибан и с тех пор правил им единолично, как хотел. Но поскольку был подчинен старшему султану, открыто выступать против него не мог. Правда, от своего замысла каким-то образом подставить подножку Чингису, при удобном случае отобрать у него должность старшего султана он никогда не отказывался.

Возраст Есенея приближался к пятидесяти, был он человеком крупного телосложения, с сильно заметными оспинами на лице. И это придавало его облику весьма суровый, грозный вид. Многие не могли прямо смотреть в его испещренное черной оспой рябое лицо. Несколько лет назад, когда аулы были поражены эпидемией черной оспы, двое сыновей Есенея умерли в один день, сам он кое-как выжил. Его жена Каникей была дочерью знаменитого бия и батыра рода атыгай Зильгары Байтокаулы. После смерти детей убитая горем женщина постоянно обвиняла мужа в том, что это стало результатом проклятия народа, над которым он издевался немало. Постоянные ссоры в семье, разрастаясь, закончились тем, что Есенею в 1843 году отправил Каникей домой.

Разве мог смириться с таким позором Зильгара, который с момента открытия Кокшетауского округа много лет являлся главным бием, в 1830 году был принят самим белым царем и из его рук получил золотую медаль, в 1839-1841 годах был старшим султаном вместо сосланного в Березовку Губайдоллы, могущественный воротила, владелец несметного богатства, имеющий звание подполковника? Он быстро подключил своих омских знакомых больших чиновников и потребовал, чтобы Есенею подобру увез обратно свою законную жену или же вернул большое количество скота, богатое приданое, которые принадлежали ей. Есенею, конечно же, не хотел лишиться солидного богатства, поэтому дал слово тестю, что заберет к себе Каникей. Но с реальным выполнением обещанного затянул. Лишь в ноябре 1844 года он отправил группу специальных людей для возвращения Каникей.

В этой группе был и сын старшего султана девятилетний Чокан. Есенею, хорошо зная уважительные взаимоотношения Зильгары с потомками Абылай хана в Кокшетауском округе, несмотря на холодные отношения с главой округа, попросил его, чтобы в эту поездку отправился и Чокан как представитель знатной династии. В группе также были люди во главе с байбиче окружного бия-заседателя Табея Барлыбайулы, то есть со старшей сестрой Есенея Матак. Чингис, хоть и не испытывал особой симпатии к Есенею, но не мог найти аргумента, чтобы отказать в просьбе волостному управителю. С другой стороны, дело касалось дочери такого прославленного бия, как Зильгара, который тесно общался с династией Вали хана, поэтому он решил, что сыну не помешает побыть в кругу взрослых, понаблюдать разрешение споров в обществе.

Однако Зильгара сильно обиделся тому, что зять слишком затянул с выполнением данного обещания, что за женой приехал не сам, а отправил других. Но когда к почти восьмидесятилетнему аксакалу подошел внук давнего товарища Вали хана, первенец старшего султана Аманкарагая Чокан и с громким возгласом

«Ассалаумагалейкум» подал обе руки для приветствия, лицо заранее знавшего о нем старца словно потеплело. Он поцеловал в лоб мальчика с огненным взглядом и сказал: «Живи долго, сынок!» Но все же он был тверд – сказал прибывшим, что не отпустит дочь, пока не приедет сам Есенея.

Позже Чокан узнал от отца, что Зильгара опять обратился в Омскую администрацию с жалобой. Когда тамошние чиновники поинтересовались, почему Есенея не поехал сам, тот ответил, что у них с Зильгарой в последнее время отношения слишком обострились и если бы он поехал к нему сам, то вполне возможно было бы покушение на его жизнь со стороны родственников тестя. После этого от Омского руководства старшему султану Аманкарагайского округа поступило распоряжение, чтобы он призвал к порядку подчиненного ему волостного управителя Естемесулы, чтобы тот поехал за женой сам и вернул ее в свою семью либо вернул тестю все ее приданое полностью. Глава округа довел это до Есенея, тогда тот пообещал поехать за ней весной, мотивируя тем, что зимой поездка сопряжена с большими трудностями. С наступлением апреля он вновь нашел какую-то причину и сказал, что поедет летом, и только в октябре 1845 года специально поехал в аул Зильгары, извинился перед сердитым тестем и забрал Каникей. Но все равно не жил с ней да и жениться на другой не собирался, занимался лишь своим хозяйством, управленческими делами. Каникей же жила отдельным аулом.

Люди Чингиса и Есенея издали заметили кочевья друг друга. Торжественностью, богатством отличалось и кочевье волостного управителя. При встрече с кочевьем старшего султана, по установившейся традиции, следует первым пропустить его. Поэтому Есенея, приостановив свое кочевье, вместе с приближенными направился в сторону старшего султана и окружного бия, чтобы поприветствовать их. Увидев их, свита Чингиса тоже замедлила свой ход. Сблизившись, обе стороны слезли с коней и с традиционными возгласами и пожеланиями относительно кочевья поздоровались, подали друг другу руки. Задавались обычные в таких случаях вопросы о здоровье родных и близких, о состоянии скота, травостоя на джайляу и т. д. Есенея узнал мальчика Чокана, подавшего ему обе руки для приветствия, и, обратившись к Чингису, сказал: «О, это тот маленький торе-посредник, который тогда специально ездил в аул Зильгары, молодец, уже джигитом стал, тьфу-тьфу!» При виде таких смысленных детей он невольно вспоминал своих сыновей, в один день умерших от оспы. Не забывал добавлять, чтобы не сглазить их. Тем не менее Чингис про себя прошептал: «Пусть сглаз переключится на воду, внимание – на верблюда».

Через некоторое время обе стороны сели на коней и, продолжая выражать добрые пожелания, попрощались. Свита Есенея говорила: «Завтра вы переходите через Есиль и окажетесь на своих джайляу, пусть вам сопутствует во всем удача, нам же еще несколько дней до нашей летовки», – а товарищи Чингиса высказали ответное пожелание: «Пусть по дороге вас не беспокоит зверье, доброго пути».

Когда чуть отъехали, Есенея обратился к своей свите: «Надо же, внуки Абылая решили кочевать рядом, видите, как они спешат, чтобы завтра же добраться до своих ханских джайляу и с новой силой наслаждаться добром, собранным у народа». Этим он подчеркивал свое недовольство тем, что должность старшего бия-заседателя, которую он когда-то занимал, теперь досталась не кому-нибудь из здешних родов керей и уак, а ханскому потомку – Жалбыру торе...

Через пару дней, перейдя по мелкому броду на правый берег Есиля, аул Жалбыра повернул в сторону Коньырсу, а кочевье Чингиса направилось в широкую долину вдоль Акканбурлука. Эти летние пастбища были известны своей плодородной землей, обилием высоких трав, пресным и горьким густым типчаком, чистым воздухом, лесными массивами и чистыми озерами. Здесь часто встречаются березовые и осиновые рощи. Вся громадная округа, покрытая густой зеленой травой, была похожа на синее море. От дуновения легкого степного ветерка высокая растительность будто оживала, колыхалась, как заволновавшаяся морская гладь.

Местность здесь представляла собой бескрайнюю открытую степь с низкими холмами. У подножия некоторых из них имелись кристальные озера, болотистые участки с камышовыми зарослями и кустарниками. С наступлением лета по берегам этих озер и болот, вдоль речушек и родников обосновывались прибывшие аулы, бисто поднимались многочисленные ряды белых юрт. Недалеко от аула на колья, вбитые в землю, натягиваются арканы, к которым привязывают дойных кобылиц. Отводятся места для других видов животных.

Кочевье Чингиса вскоре оказалось среди аулов своих сырымбетовских родственников и близких, которые перекочевали на летние пастбища предков чуть раньше и успели обосноваться. Оно остановилось на месте, которое указали встретившие проводники. Прибывшие стали разгружать все добро, тут же ставить белоснежные нарядные юрты, и в скором времени в новый аул потянулись родственники с блюдами мяса, с бурдюками кумыса, с традиционно положенным угощением – ерулик и сыбага.

Летний аул Чингиса Валиханова.

Фотография Н. Буланже (60-е годы XIX в.)

Первыми добрались старший брат Чингиса Шеген и младшие братья Кангожа и Альжан. Шеген на десять лет старше Чингиса. И вообще он сейчас самый старший среди всех детей Айганым. В 1824-1834 годы, когда впервые был открыт Кокшетауский округ, он занимал должность волостного управителя рода баимбет-атыгай. В 1830 году ему было присвоено звание капитана. Но однажды на него пало подозрение в том, что он замешан в конфликте, возникшем против беспредела, учиняемого крестьянами-переселенцами, в котором погиб человек, и был отстранен от власти. Издавна он живет в Сырымбете вместе с матерью Айганым и младшими братьями Кангожей и Альжаном. С наступлением лета всем аулом перекочевывает на свое традиционное джайляу в долине Акканбурлука.

Поскольку родственники не виделись с прошлого года, их встреча началась с многочисленных расспросов. Чингис первым делом спросил о здоровье матери, как она перенесла долгий путь. «Все нормально, она говорит, что сильно соскучилась по снохе Зейнеп, по детям, особенно по Чокану», – говорит Шеген, глядя по голове Чокана, который подошел поздороваться со взрослыми.

Поскольку родственники не виделись с прошлого года, их встреча началась с многочисленных расспросов. Чингис первым делом спросил о здоровье матери, как она перенесла долгий путь. «Все нормально, она говорит, что сильно соскучилась по снохе Зейнеп, по детям, особенно по Чокану», – говорит Шеген, глядя по голове Чокана, который подошел поздороваться со взрослыми.

– По сравнению с прошлым годом ты вымахал. Сколько тебе уже лет? – спросил он мальчика.

– Двенадцать исполнится, – ответил Чокан, затем обратился к отцу: – А когда пойдем к бабушке здороваться?

– Сегодня уже поздно. Завтра все вместе специально пойдем к ней. Если хочешь, можешь даже остаться на несколько дней у бабушки, – ответил отец.

Затем Чингис продолжил разговор с Шегеном, спросил, когда прибыли давние соседи по джайляу аулы Зильгары, торе Сартая, Тортая, Жаналы.

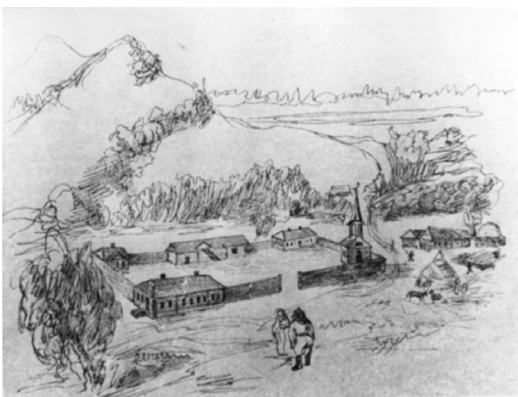
Оказывается, как обычно, все почти в одно время прибыли и обосновались на джайляу. «Скоро наведаюсь к ним», – добавил Чингис.

Территория между Акканбурлуком и Конырсу, Кызылсу много лет является джайляу и бия подродов андагул-ураз-баимбет рода атыгай, относящихся к одной волости, подполковника Зильгары Байтокаулы. Сыновья прославленного оратора, долгое время являвшегося бием, дважды – старшим султаном Кокшетауского округа, повзрослели и сейчас участвуют в управленческих делах. Так, старший сын Шукей, которому давно перевалило за пятьдесят, с 1839 года занимает пост волостного управителя. Деловитостью отличается и Муса, который почти на десять лет младше Шукея. До Чингиса дошли слухи, что самый младший из сыновей двадцатилетний Алибек своими конкретными делами, справедливостью тоже показывает, что он достойно представляет династию бия. Симпатизирует искусству, очень хорошо общается с такими акынами, как Арыстанбай, Орынбай и другие.

Их отец в близких отношениях с сыновьями Чингиса Сартаем, Тортаем, Жаналы. Их зимовья недалеко от Сырымбета. Все трое являются очень богатыми людьми. Сартаю в скором времени исполнится семьдесят лет, когда-то он даже был арестован за участие в народных волнениях по поводу создания округов и строительства русских укреплений и сослан в Березовку. Но вскоре был возвращен и долгие годы возглавлял волость рода есенбай, а когда царские чиновники на расстоянии держали Губайдоллу, даже избирался старшим султаном округа. Тортай, который лет на семь-восемь младше его, тоже в течение десяти лет был волостным управителем. Их младшему брату Жаналы уже далеко за сорок, он тоже был лицом, облеченным властью. В начале тридцатых годов он один созыв был волостным, но и по-прежнему, как говорится, на коне – с 1845 года является волостным управителем рода есенбай.

Чингис тесно общался с этими братьями, нежели с семьями других братьев Губайдоллы и Габбаса, которые были рождены от старшей жены Вали и жили в районе Ханского Кызылагаша – древней ставки Абылая у подножия Кокшетау. После отъезда по службе в сторону Обагана встречаться с ними ему удавалось только при переезде на джайляу. А так, конечно, всегда хотелось подольше быть вместе.

В летнее время и детям выдается радостная возможность общаться с многочисленными родственниками по линии Айганым, прибывшими из Сырымбета. За зиму они особенно скучали по любимой бабушке.

Усадьба Айганым в Сырымбете.

Ч. Валиханов. 1853 г.

На следующий день семья кушмурунского старшего султана радостно встретила со всеми жителями аула Айганым. После первых церемониальных моментов бабушка поближе посадила к себе любимого внука Чокана и начала беседовать с ним. Спрашивала об учебе в кунтимесской школе, какие преподаются предметы, какие он прочитал в последнее время дастаны, поэмы.

Бабушка была грамотным человеком, владела несколькими языками, поэтому ее особенно радовали способности Чокана, который с пяти лет научился читать с семи лет начал помогать отцу собирать и записывать образцы народной поэзии. С тех пор как внук начал говорить, во время его пребывания на джайляу она часто проводила время с ним, рассказывала ему разные сказки, легенды и стихи, загадки и скороговорки, затем постепенно начала читать ему имеющиеся у себя восточные эпосы и дастаны. Много выдавала наизусть. А когда Чокан овладел грамотой, она просила читать эти вещи его самого. Возвращаясь с джайляу, брала его с собой в Сырымбет и до начала учебного года около месяца держала у себя, учила выразительному чтению, ей особенно нравилось, как он самозабвенно читал произведения в кругу родственников и близких.

В сундуке у бабушки Айганым хватало дастанов, кисса и в виде отпечатанных книг, и в виде переписанных рукописей. Благодаря бабушке Чокан с малых лет был знаком с широко распространенными в народе произведениями, такими, как религиозные «Салсал», «Заркум», «Жумжума», любовные – «Юсуф-Злиха», «Лейли-Меджнун», «Бозжигит». В бабушкином сундуке оказался и изданный в 1807 году в Казани дастан «Сейфульмулюк». Как и многие другие восточные кисса, этот дастан, основанный на событиях «Тысячи и одной ночи», содержал много книжных языковых словосочетаний, арабские, персидские слова. Такие непонятные места Чокану по его просьбе обычно объясняла бабушка. В овладении арабско-персидскими словами мальчику большую помощь наряду с учебой в кунтимесской школе оказали именно эти произведения. Оказывается, как поведала бабушка, есть еще замечательный вариант, приспособленный к природе казахского языка, упомянутого выше дастана о чистой любви сына египетского царя Касыма Сейфульмулюка и красавицы Бадигулжамал. Сей вариант начинался так:

Взял в руки перо и бумагу,
Удивляясь превратности мира.
Кто несчастен, чтоб послушал,
Записал историю Сейфульмулюка.

Именно бабушка впервые познакомила его с дастаном «Бозжигит», широко распространенным среди казахов. Как и предыдущее произведение, этот дастан тоже посвящался большой любви джигита и девушки и начинался так:

Прошло с тех пор много эпох,
У одного хана не было детей.
Прекрасной, долгой выдалась жизнь,
Долго о наследнике мечтал он лишь.
И вот родился сын на радость всем,
Закатил царь пир на весь мир.

Принц Бозжигит и принцесса Карашаш друг друга увидели во сне и влюбились, пережили множество трудностей и испытаний ради торжества своих светлых чувств, пожертвовали на этом пути даже жизнью. Во время первой встречи влюбленных сорок девушек-подруг Карашаш исполняют песню радости жар-жар, а это напоминает обычную традицию, которая всегда имеет место на казахских свадьбах.

Святое писание Корана
У вашего изголовья, жар-жар!
Словно пророки Аллаха
Вместе с вами, жар-жар!
Будто коралл и жемчуг,
Рядом находятся, жар-жар!
Сердца принца и принцессы
В унисон бьются, жар-жар!
Соловей вместе с павой –
Влюбленная пара, жар-жар!
Золото рядом с серебром –
Неописуемая краса, жар-жар!

Но строгий отец девушки был против брака молодых и по его приказу джигита обезглавили. Убитая горем Карашаш распорядилась, чтобы ее сто двадцать рабов построили мазар на его могиле. Когда строительство было закончено, она вошла внутрь мазара и ударом кинжала покончила с собой, навечно соединившись с возлюбленным. Когда Чокан по просьбе бабушки читал этот дастан, он не раз замечал, что при описании гибели влюбленных слушатели впадали в печальное состояние, а девушки и молодые женщины не могли сдержать слез.

Несколько лет назад Чокан вместе с отцом записывали из уст Жанак акына поэму «Козы Корпеш – Баян сулу», и еще тогда он сразу подметил сходство сюжетов этих двух произведений.

Жанак акын исполнял поэму в сопровождении кобыза. Когда мальчик вместе с отцом начисто переписывали черновик текста, Чингис рассказывал сыну и о других исполнителях поэмы. «Козы Корпеша» замечательно передает и наш Булат торе. Он исполнял ее даже в Петербурге», – подчеркивал он.

Чокан знал, что Булат султан – старший сын сосланного в Березовку Губайдоллы, внук Вали хана, хотя видеть его не доводилось. Отец говорил, что Булат с 1828 по 1837 год возглавлял волость майлы-балта рода атыгай, что его зимовье находится в восьмидесяти километрах восточнее Кокшетау в местности Жынгылды, Кандыагаш. Он на пару лет моложе Чингиса.

– Вы говорите, в Петербурге? Как? – удивился Чокан.

– Хотя наш брат Губайдолла был утвержден старшим султаном Кокшетауского округа, но долго не терял надежды вообще вернуть ханскую власть, – продолжал Чингис. – Эту мысль он хотел довести до самого царя и постоянно надоедал омским чиновникам, чтобы ему разрешили поехать в Петербург. Но русская администрация не торопилась с ответом. В конце концов он добился своего: в 1828 году отправил недавно избранного волостным управителем сына Булата со свитой в Петербург. Царский двор с почестями принял молодого султана из династии

грозного Абылай хана, но ясно дал понять, что просьба его отца о возвращении ханской власти – теперь уже невыполнимое дело. Высокие чиновники и ученые, оказывается, были наслышаны о способностях Булата, поэтому они организовали специальное собрание в здании Сената, где он исполнял поэму «Козы Корпеш». Говорят, удивлению и восхищению высшего света столицы не было конца.

Мои омские русские знакомые говорили, что о выступлении Болат в Сенате писали петербургские газеты. Упомянутую длинную поэму может прочитать наизусть в полном объеме, как Булат, еще один сказитель – акын Арыстанбай из рода атыгай, у которого мы несколько лет назад записали дастан «Едиге». Кроме Жанак акына «Козы Корпеш» исполняет еще слепой акын Шуже, часто сопровождающий нашего старшего брата, бывшего старшего султана Кокшетау Абулхаира Габбасова. Но исполняемый им объем произведения, по-моему, значительно меньше, чем у Булата и Арыстанбая.

Когда Губайдолла Валиханов в 1833-35 годах вновь был избран старшим султаном Кокшетауского округа, у него секретарем работал Абулхаир Дербисалин из рода уак. Его предки во времена правления твоего прадеда Абылай хана и деда Вали хана числились в когорте знаменитых биев. Этот секретарь записал в сокращенном виде исполняемый Болатом вариант и передал омским чиновникам. Говорили, что эта запись была сделана на шестнадцати большеформатных страницах и начиналась со следующих строк: *«Мы уйдем из этого мира, пересказав все стихи, которые знаем. Ибо никто не противостоит велению Всевышнего. Простые стихи рассказать любой горазд, наша же цель – передать чудные строки о Баян и Козы Корпеш»*

Чокан с совсем малых лет впитал в себя рассказанные бабушкой Айганым сказки и стихотворения, затем восточные повествования, позднее – собственно казахские дастаны, героические эпосы, которые исполняли талантливые акыны и сказители на всевозможных тоях, на проводимых в ставке старшего султана мероприятиях. Особое впечатление в душе юного Чокана оставили вдохновенное исполнительское мастерство акынов Жумагула и Арыстанбая, у которых они когда-то вместе с отцом записали «Едиге», Нурумбая – исполнителя поэмы «Урак батыр». Из уст этих мастеров народного поэтического творчества и других не менее известных исполнителей мальчик самозабвенно слушал также эпосы «Ер Кокше – Ер Косай», «Ер Таргын», «Каракыпшак Кобыланды», «Камбар батыр», «Шора батыр» и т. д. Любое из этих произведений словно вводило слушателя в атмосферу прошлых кровопролитных сражений за родную землю, воспитывало в духе героизма и самоотверженности. В отличие от восточных кисса действенная сила, сокрушительная мощь, изумительная красота и искрометность казахского слова чувствовались практически в каждой строфе этих героических творений. Так, если Урак батыр делится своими раздумьями: *«Можно неустанно кочевать, если ориентиром будет гора. Ориентируясь, можно кочевать, если будут сильные верблюды. Но верблюды будут послушны, если их поведет сильная мудрая женищина-мать. Пусть даже появится такая женищина, но надо, чтобы она родила отважных сынов...»*, то славный Едиге о себе поведал: *«Я – сокол, выющий гнездо высоко в скалах и обзирающий все вокруг с поднебесной высоты, я – кулан, выросший на свободе и не знающий ограничений, я горше кислого молока, но добавишь сладости, становлюсь пресным»*; Ер Кокше печалится так: *«На позвоночнике десять ран, оправиться не могу, на ребрах сорок ран, двигаться не могу, на щиколотке девяносто две раны, размышлять даже не могу»*; Ер Таргын

в состоянии ностальгии говорит: «Ведя за собой цыплят, лебеди на озере шумят. Судя по шуму, похоже, даже в небе столкнулись птицы»; а Кобыланды, выступая в боевой поход, жестко распоряжается: «Своих многочисленных верблюдов оставляю Сарысу, табуны лошадей, что в степи, оставляю врагам, а бесчисленные отары овец оставляю голодным волкам...»

Художественные формы, зримо рисующие обычаи и привычки степного народа, живущего в тесной взаимосвязи с природой, яркие картины тех далеких героических времен, мощный дух мужества и героизма, который высоко подняли персонажи эпосов, – все это еще больше повысило интерес Чокана к устной литературе. Вместе с отцом записывать из уст акынов, специально приглашаемых старшим султаном, кисса, дастаны, затем переписывать начисто – для него были самыми яркими и незабываемыми моментами. Эту работу он делал с особым энтузиазмом.

Чингис всячески поддерживал, поощрял это искреннее усердие сына. Он иногда отмечал, что стремление Чокана к знаниям и искусству – один из признаков того, что тот в этом похож на прадеда Абылая. И напоминал, что великий правитель Казахской Орды был еще признанным музыкантом, оставил после себя такие замечательные кюи, как «Қара жорға» («Черный иноходец»), «Ақ толқын» («Белая волна»), «Алабайрақ» («Пестрое знамя»), «Шаңды жорық» («Пыльный поход»), «Садаққақпай» («Стрельба из лука»), «Бұлан жігіт» («Джигит-баловень»), «Дүние қалды» («Бренный мир остается после нас»), «Қайран елім» («О родина моя»), «Майдақоңыр» («Приятная на слух мелодия»), «Сары бура» («Желтый верблюд-самец»). Феноменальная память Булата торе, исполняющего наизусть эпос «Козы Корпеш», по мнению Чингиса, тоже следствие проявления великих генов. Потомков Абылая, живущих в Жетысу, знаю мало, добавлял он, а вот из потомков Вали хана музыкальные способности великого предка передались твоему брату Кангоже, который сейчас стал признанным кобызистом. Если династийное счастье правителя выпало на мою долю, то талант, искусство всецело принадлежат Кангоже.

Чокан тоже испытывает особую привязанность к этому дяде, который лет на семь-восемь младше отца. Кангожа не только превосходный игрок на кобызе, но и заядлый охотник с ловчими птицами.

В летнее время он не раз брал мальчика с собой на соколиную охоту, прививал ему тонкости этого увлекательного вида охоты. Но Чокан особо ценит его игру на кобызе. Каждый год, спеша на джайляу, он в первую очередь стремится побыстрее услышать магические звуки, выводимые Кангожей на этом дивном инструменте.

Репертуар у него очень богатый. Обычно он начинает с кюя Коркыта «Тәңір биі» («Тенгри»), затем переходит к его же сочинениям «Сарын» («Мелодия») и «Тарғыл тана» («Пестрая телка»). Прекрасно выводит на кобызе игру Сары батыра из рода уак на сыбызгы (свирель, дудка). Virtuозно играет свой кюй «Қанғожаның басқаны» («Дебют Кангожи»). Завораживающе звучат «Думы баганалинца Балакая», Досжана – «Балбырауын», «Утонул витязь

Портрет Кангожи. Ч. Валиханов.
Карандаш и тушь. 1862 г.

Котан» и «Пестрое знамя». В следующий момент переходит к исполнению произведений Отебулата «Таргыл бұқа» («Рыжий бугай») и «Қызыл қайын» («Красная береза»). Неповторимо звучат «Қапыда өткен қарбалас» («Напрасна жизнь в разлуке»), «Ер Шегедей еткейсің» («На тебе упование, витязь Шегедей»), «Баутанның «Қосбаспасы» («Серенада Баутана»), кюй Тайлакбая «Қыз жылытқан» («Согревание девушки»), который он исполнял на сыбызгы. Свообразным искусством является игра пальцами кюя «Шығыт жібі бес бармақ», то есть пять пальцев извлекающие чудесные мелодии из шелковой нити. Причем по ходу исполнения музыкальных произведений Кангожа вступительным рассказом объясняет историю создания каждого из них, затем мастерски выводит его на звучном кобызе...

На джайляу для детей вообще начинается прекрасная пора. В какие только игры они ни играют на этом вольном чудесном просторе! Несколько лет назад организатором этих игр обычно выступал Чокан, вокруг которого всегда кружилась толпа шумных сверстников. Часто они играли в «Соқыртеке» (буквально, «слепой козел»): дети садятся на землю в ряд, ведущий приступает к такой считалке: *«Раз-раз, два-два, три-три, четыре-четыре, пять-пять, шесть-шесть – тяжел мой топор. Кто взлетел? Взлетел беспомощный, взлетел из-под земли!»*. Как только она закончится, все должны быстро соскочить с места. Зазевавшегося назовут «соқыртеке», ему завязывают глаза, и он должен ловить других. Естественно, пока он блуждает и ищет, остальные могут его ощутимо задеть, толкнуть. Но если же ему удастся поймать кого-либо, то «титул» переходит к тому, если нет, то он продолжает получать удары.

Или же другая игра – «Ай керек» («Нужна луна»). Дети становятся в два ряда против друг друга, взявшись за руки. Один из них вызывает кого-нибудь из противоположного ряда, говоря: *«Нужна луна, нужна луна, а что еще нужно после нее? Нужна только победа. Мы дети одного рода, рабы божьи, а нужен нам вон тот имярек»*. Тот, кого назвали, должен броситься на другой ряд, постараться с разбегу прорвать его и увести с собой кого-нибудь. Если это у него не получится, он присоединяется к этому ряду. В каком ряду останется минимальное количество детей, тот ряд считается побежденным.

Если надоест одна игра, дети тут же переходят к другим, к примеру – «Бурақотан» (место для ночлега верблюдов) или «Ақбұзау» («Белый теленок»). За тем принимаются за альчики, с ними тоже имеются разные виды игр: «Алты атар» («Шесть бросков»), «Оңқа атар» («Бросок в онку», онка – вертикальное положение альчика острым концом вниз), «Хан ойын» («Ханская игра»), «Үндемес» («Молчанка»), «Жалғыз асық» («Одинокий альчик»), «Сақа атар» («Бросок битка») и т. п.

А какая прелесть – купаться в сверкающем озере или чистом пруду! Здесь же можно и полакомиться нежной сладкой съедобной частью корня рогоза, растущего на берегу водоема. Густые заросли камыша обычно полны птичьего базара. На каждом шагу можно увидеть птичьи гнезда. В них высидивают яйца чайки, чирки, пигалицы. Но детям, как говорится, закон не писан. Им нравится, вспугнув птиц, смотреть, как они взлетают, шумя крыльями, и начинают метаться вокруг своих гнезд; кидать в истошно кричащих чаек и пигалиц свои головные уборы. Они также любят собирать в свои тубетейки яйца.

Когда надоест купанье, дети выбираются на берег и на такыре вновь принимаются за альчики. Так целый день проводя в купанье и играх, они вечером, усталые, расходятся по домам...

С прошлого года у Чокана тяга к играм и забавам значительно поубавилась. Лишь иногда, после назойливых приглашений младшего брата Жакупа он идет к детям, а так ему больше стало нравиться читать книги, слушать гостей ставки, особенно акынов и жырау. Это заметил и отец, поэтому он по возможности больше держал его возле себя, брал с собой на всевозможные собрания и мероприятия. Давал ему возможность слушать судебные разбирательства по тем или иным спорным проблемам. Сам часто рассказывал о традиционном образе жизни народа, основанном на кочевой системе, скурупулезно разъяснял ее сложные и тонкие моменты.

– Само тесное общение людей между собой при перекочевке на джайляу основано на сформированных издревле привычных действиях, – сказал он как-то. – На этих джайляу на побережье Есиля, Акканбурлука каждое лето обосновываются пять волостей родов атыгай, караул и керей из северо-западного региона Кокшетауского округа, а также четыре волости рода баганалы-найман прибывают с юга, со стороны Улутау, и располагаются на берегах Калмакколя, Салкынколя, Конырсу по соседству друг с другом. С того момента начинается и традиционный оживленный обмен товарами. У баганалинцев, например, содержится много верблюдов. И поэтому у них немало мастеров, которые шьют чекмень из верблюжьей шерсти – распространенный вид казахской верхней одежды. А среди атыгайцев и керейцев, проживающих севернее Аиртау Кокшетауского округа в лесистых местах, как в нашем Сырымбете, много мастеров по дереву. Если в волости андагул-ураз-баимбет в основном занимаются изготовлением деталей юрты – кереге, уык, шанырак, то в волости андай-ырсай специализировались на производстве домашней утвари – деревянной кровати, сундуков разных размеров, жукайк (подставка на ножках для постельных принадлежностей в юрте), асадал (высокий сундук для хранения продуктов) и т. д. Мастера родов бабасан-багыс, еменалы керей, матакай-самай вырезают из дерева самые различные виды посуды, делают седла. Кузнецы и ювелиры рода кулансу-атыгай выковывают боевые топоры, изготавливают такие предметы конской упряжи, как удила, пряжки передней подпруги, стремена, уздечки, нагайки, украшения для седла. С прибытием на джайляу они выставляют свои изделия на продажу или для обмена. Детальями юрты, арбами и предметами из дерева, составными частями конской упряжи особенно интересуются баганалинцы-найманы. А атыгайцы и керейцы в свою очередь охотно берут у них верблюжью шерсть и легкие тканые чекмени.

Из рассказа отца Чокан понял одно – такое тесное взаимное общение, обменные процессы между аулами всех родов, обосновавшимися по соседству друг с другом, давняя традиция. Не случайно, что одна из главных ветвей торгового пути, соединяющего сибирские города с Туркестаном, Ташкентом, проходит через эту широкую степь, подчеркивал Чингис. Торговый люд, проводящий в пути долгие месяцы, как правило, всегда держит курс на густонаселенные регионы. В ходе корректировки движения каравана они обязательно продумывают пункты активного отдыха по дороге, параллельно ведя и торговлю с местным населением. Одними из таких очень удобных пунктов являются как раз густонаселенные джайляу вокруг Акканбурлука, Калмакколя, Салкынколя.

Достигнув пределов этих джайляу, купцы наряду со скотом, изделиями из кожи, шерсти много покупают у казахов сделанные ими арбы. Так, из Бухары, Коканда сюда привозят шелковые и хлопчатобумажные ткани, полосатые чапаны, всевозможные

украшения, ковры, чай, рис, урюк и изюм, большинство из которых обменивают на овец, кожу, шерсть, затем едут дальше в русские города, а возвращаясь, везут приобретенные на российских ярмарках разные вещи из железа и фарфора, котлы, посуду, бижутерию, муку, ситцевые и суконные ткани, вновь торгуют ими в этих краях, удовлетворяя таким образом потребности обеих сторон в необходимых товарах.

– Если бы царские чиновники продумали вопрос открытия в этом регионе ярмарки, они бы нисколько не прогадали, – поделился Чингис с сыном своими мыслями. – Ибо он как раз лежит на торговом пути. Это самое удобное место, где бы взаимовыгодно сошлись караваны с товарами, идущие с запада – из Ирбита, с востока – из Китая, с юга – из Андижана и Хивы, где могли бы всю шуметь богатые базары. Сейчас, слава богу, установилось затишье, может, в будущем это претворится в жизнь. Для казахов это было бы очень кстати.

* * *

Летом 1847 года, среди перекочевавшего на джайляу народа да и на различных собраниях старшин любой разговор постепенно сводился к одной теме... То есть в любом случае тема переходила к событиям, связанным с гибелью Кенесары весной того года на кыргызской земле. Многие восприняли эту весть с нескрываемой печалью, часто раздавались горестные возгласы: «Как жаль, что столько добрых молодцев полегло!», «Пусть земля им будет пухом!» и т. п.

Через несколько дней после прибытия на джайляу Чингис взял с собой Кангожу, Чокана, еще несколько человек и поехал проведать внучатых братьев Сартая, Тортая, Жаналы, аулы которых были размещены недалеко от Калмакколя. И там эта тема оказалась в центре внимания собравшихся. Младшего брата отца Вали тоже звали Чингис. Сартай был самым старшим из его детей, который в свое время принимал участие в восстании под руководством Саржана и Есенгельды, поэтому он очень близко к сердцу воспринимал гибель Кенесары и Наурызбая. Но этот почти семидесятилетний аскал с большим удовлетворением отнесся к тому, что внучатый брат, добившийся больших служебных высот из династии Вали хана, за последние тринадцать лет постоянно избиравшийся главой округа рода керей-уак в Обагане, специально приехал навестить его. Он поцеловал Чокана в лоб, внимательно посмотрел в его лицо. Тем временем гости отведали прохладного душистого кумыса, утолили жажду, и хозяин окинул взглядом собравшихся по поводу приезда больших гостей, в том числе младших братьев Тортая, Жабая, Жаналы, старшим из которых уже было около шестидесяти, младшим перевалило за сорок, и обратился к Чингису:

– Дорогой Чингис, насколько я знаю, в Среднем жузе, где когда-то стояла ставка Абылая, из династии нашего славного предка в настоящее время старшим султаном белого царя являешься ты один. Нет никого должностью выше тебя. Ты знаешь, что у твоего брата, майора Абулхаира, сына Габбаса, который был главой Кокшетауского округа, полтора года назад на выборах султанство отобрал сын бия Токтамыса Мандай. Поэтому среди наших родственников сейчас ты выше всех. Тебе хорошо известно, что Кенесары, которого Средний жуз и Младший жуз подняли на белой кошме и провозгласили ханом, закончил свой земной путь трагически. Настоящий батыр был он, несмотря на все трудности, нисколько не испугался грозного царя, не струсил, как мы, гордо прожил эту жизнь. Да будет пухом ему земля! – и он провел ладонями по лицу, сидящие повторили его движение.

Он продолжил:

– Что слышно со стороны Омска, есть какие-нибудь точные сведения? А то до нас доходят в основном слухи, сплетни. По-разному рассказывают и о том, как он попал в плен, как погиб. Может, ты внесешь ясность.

– Где-то месяц назад из Омска пришла депеша о гибели Кенесары от рук кыргызов. Там сказано, что «умер общий для всех нас враг». О подробностях гибели там ничего нет. Буквально за десять дней до откочевки на джайляу из Омска вернулся мой русский помощник Дабшинский, который внес в это дело больше ясности. Раньше он работал секретарем Пограничного управления, пользуясь этим, ему удалось ознакомиться с рядом бумаг относительно последней битвы Кенесары, прочитать донесения военачальников Нюхалева, Абакумова, Карбышева, сведения, составленные из высказываний правителей-торе родов найман, уйсунь и кокандских торговцев. Кроме того, после поражения войска Кенесары оставшиеся в живых джигиты из рода аргын с трудом добираются до пределов Сарыарки. Судя по их скурым рассказам, сражение между казахами и кыргызами произошло в горах Кекликсенгир, что недалеко от укрепления Токмак на берегу реки Чу. Ставка Кенесары находилась в местности Майтобе. Кыргызы издавна называли ее «кровавым местом». Многочисленные кыргызские дружины именно в Майтобе окружили казахов. Русло реки, протекавшей рядом, кыргызы повернули в другом направлении и таким образом оставили казахские войска без воды.

– Казахи в этом сражении могли прорвать окружение, – продолжал Чингис. – Но накануне кыргызы провели тайные переговоры с Рустемом торе и Сыпатай бием которые в армии Кенесары возглавляли дулатовцев. Издавна между кыргызами и родом дулат имелась тяжба из-за земли. И кыргызы решили воспользоваться этим фактом: они выразили свою готовность отдать спорные земли дулатовцам, если они оставят Кенесары. Руководителям дулатовцев пришлось по душе это условие, и они глубокой ночью сбежали вместе со всеми подданными с поля боя. Рядом с Кенесары осталось всего около тысячи сарбазов. Несмотря на это они не теряли надежду выйти из окружения. Наурызбай предложил отрядом из двухсот наиболее отчаянных воинов прорвать вражеское кольцо, тогда и остальные последуют за ними, но старший брат не стал слушать его. «Если мы прорвемся, то уже будем скакать без остановки, – сказал Кенесары. – У кого хорошая лошадь, тот спасется, а остальным не миновать смерти. Если побегу я – полководец, то какова будет цена моему ханскому званию?!» И он предложил свой вариант: поскольку в горах трудно воевать на коне, надо зарезать основную часть лошадей, оставить лишь голов тридцать, чтобы погрузить на них продукты, и сражаться пешим строем, организованно отбиваясь от нападающих и пробивая проход во вражеских рядах. Но казахи не привыкли воевать пешим образом, лишиться коня, по их мнению, было плохой приметой, поэтому сей вариант не был принят. С другой стороны, теплилась надежда, что весть об окружении дойдет до основной массы родного народа и он придет на помощь... Но силы были неравны, превосходящий по численности противник часто атаковал казахские рубежи и наносил ощутимые удары. До последнего момента сражения шубыртпалы Агыбай и тортулы Жанайдар самоотверженно дрались, стремясь вырваться из окружения, они три раза обратились к Кенесары, чтобы он последовал за ними. Но хан наотрез отказался бежать с поля битвы. Наконец кыргызам удалось отбить Кенесары от сарбазов Агыбая и Жанайдара и захватить в плен. До последнего бился и Наурыз-

бай, но когда его конь вконец выбился из сил, молодой батыр тоже был пленен. Поняв, что теперь их спасти невозможно, Агыбай и Жанайдар с восемьюдесятью аргынцами приняли отчаянную попытку прорыва, и это им удалось.

– Касымовых сыновей погубили высокая честь и гордый дух, – сказал Сартай. – Если бы послушались Агыбая, возможно, спаслись бы. Не хотели запятнать ханское достоинство и звание. Жаль, зря это они...

– А что слышали конкретно о их последнем часе? – спросил Тортай.

– По моим сведениям, Кенесары, Наурызбай и многие из попавших в плен были подвергнуты мучительной смерти. Султанов заживо сварили в большом котле, сарбазам сначала отрубили конечности, затем головы и, насадив на жерди, выставили на всеобщее обозрение. Кенесары хана кыргызский предводитель из рода сарыбагыш Орман отдал манапу Жантая, у которого погибло очень много родственников, чтобы тот сам решил судьбу высокородного пленника. Жантай первоначально думал: надо бы довольствоваться тем, что хан оказался в плену и теперь надо сообщить казахам, чтобы они выкупили его. Эту мысль он передал хану через пленного Кудайбергена. Кенесары дал понять, что не против такой сделки, но хочет услышать об этом из уст самого Жантая. А Жантай не захотел встретиться лицом к лицу с представителем династии торе, ибо по кыргызской традиции после встречи с благородными ханами их нельзя убивать. В это же время родители и родственники погибших кыргызов, узнав о намерении манапа, окружили его дом и потребовали выдачи хана, чтобы отомстить по принципу «кровь за кровь». В итоге совещание манапов решило отдать Кенесары в руки манапа Кожамбека Тастанбекулы, который потерял на войне двух братьев... Он оказался весьма кровожадным, свирепым человеком, издевался над пленным как мог, применяя самые изощренные пытки. Сначала отрезал хану нос, уши, затем ножом исколол все тело и в конце концов отрубил голову. После этого, распоров живот, затолкал туда голову...

Установилась гробовая тишина. Сидевшие содрогнулись от услышанного. Некоторые достали платки из карманов и вытирали навернувшиеся на глаза слезы. После паузы раздался голос волостного управителя Жаналы – младшего брата Сартая:

– А как погиб Наурызбай?

– Я слышал, что Науана взял к себе манап Тлеукабыл, у которого на войне погиб младший брат, – сказал Чингис. – Но он оказался намного человечнее, сказал кыргызам: «Коль вы мне поручили решить его судьбу, и если я убью его, то не говорите, почему я убил; если же оставлю в живых, то не говорите, почему не убил». Затем он отвел Наурызбая домой и обратился к нему с такими словами: «Торе, мой брат погиб, и его уже не вернешь, также не воскреснет хан Кенесары, если я убью его брата. Но и отпустить тебя просто так я не могу, тогда все кыргызы меня самого не оставят в живых. Ты возьми моего скакуна, мою одежду и ночью скачи к своим. На этом коне тебя никто не догонит. Буду доволен и я, будет доволен и Всевышний, я не хочу, чтоб ты умер». На это Науан ответил: «Разговор о том, что в плену Кенесары нашел смерть, а Наурызбай сбежал, – для меня страшнее смерти. Я предпочитаю смерть, чем таким образом остаться в живых и вернуться домой. Мне еще нет двадцати пяти, но я пожил такой прелестной жизнью, которая не снится и столетнему. Поэтому я благодарен и этой жизни, и этому миру, ни о чем более не мечтаю». Все же Тлеукабыл не стал убивать его, подарил жизнь. К сожалению, когда он куда-то выехал, кыргызы, потерявшие родных и близких на войне, собрались и убили Наурызбая.

– Погибнуть в таком возрасте! – воскликнул Сартай. – Люди в один голос говорили, что из потомков Абылая именно он подавал большие надежды – был отважным батыром, борцом, замечательным певцом и музыкантом, оратором. О его сокольничьем мастерстве вовсе ходили легенды. Я видел его несколько лет назад, будучи рядом с Саржаном, тогда он еще был горячим юнцом с огнем в глазах, как сейчас Чокан. Как-никак ведь потомок Абылая, этот твой сын тоже чем-то похож на Науана, – и повернувшись к Чокану, добавил: – Пусть тебя всегда поддержат духи предков, живи долго, сын мой!

– Да сбудутся ваши слова, дедушка! – ответил Чокан, подняв руки к груди и наклонив голову.

– По-моему, похоже, что кыргызские манапы этими своими поступками хотели отомстить за обиды, нанесенные им во времена великого Абылая, – продолжил Сартай. – Когда кыргызы не давали покоя казахским родам уйсунь и конырат, наш славный дед прогнал их до Иссыкколя и Сарыбеля и там разгромил наголову. Вы сами знаете, как в поэме об Абылае говорится: «В этот день с именем аллаха Абылай выступил в поход, в этот день без оглядки бежали кыргызы. В этот день казахам достались огромные трофеи, в этот день для кыргызов наступила темная ночь. Как молния скакал он на коне, и многие кыргызы нашли смерть на Сарыбеле. Абылай разбил их и вернулся домой». В настоящее время среди кокшетауского рода атыгай живут подроды байкыргыз, жанакыргыз – потомки людей, отданных Абылай хану в качестве заложников в знак того, что они больше враждовать с казахами не будут. Как говорили старожилы байкыргыза, оказывается, упомянутые выше манапы Орман, Жантай – внуки Есенкула и Атеке, погибших от рук казахов во время того похода нашего деда Абылая.

– Так вот еще в чем дело! – переглянулись сидевшие.

– Во время боевых походов рядом с Кенесары всегда находился акын-жырши Нысанбай, он сочинил поминальный дастан о Кенесары и Наурызбае, – в разговор вмешался Кангожа. – Я слышал отрывки из него. Печальный жыр, как известный нам «Саржан батыр». В нем рассказывается о походе Кенесары и Наурызбая на кыргызов, об основных сражениях, и заканчивается он поминальной песнью.

– Остались ли в живых дети Кене хана? – спросил Сартай у Чингиса.

– Да, они живы и здоровы. После гибели Кенесары аулы его старших сыновей Тайчика и Жапара снялись с берегов Чу и перекочевали в район нижнего течения Таласа, затем обосновались недалеко от Сузака, находящегося в составе Кокандского ханства...

– Царские власти избавились от Кенесары, теперь они, возможно, возвратят нашего родственника Губайдоллу с каторги, – сказал Сартай. – Уже восемь лет, как сослали его в Сибирь за якобы поддержку Кене хана. Здоров ли он?

– Да вроде не было дурной вести. Может, и вправду вернется домой...

* * *

Чокан возвращался из аула дедушки Сартая в глубокой задумчивости. Хотя он и раньше слышал о Кенесары, но сегодняшние подробности для него были по-настоящему потрясающим открытием. Ему и до этого приходилось не раз слушать песнь о боевых походах и трагической гибели старшего брата Кенесары Саржан батыра. Известен был и дастан об Абылае. Оба произведения часто звучали из уст акынов и жырши, посещавших дом старшего султана. Отец как-то рассказывал,

что дедушка Сартай активно участвовал в вооруженном восстании народа под предводительством Саржана против русского нашествия, даже командовал отрядом. За это отбывал ссылку в Сибири. Он человек крутого нрава, не подчиняется слепо царским чиновникам. Благодаря своей энергичности после возвращения из ссылки участвовал в выборах и года два занимал должность старшего султана Кокшетау. Пять лет назад он вновь участвовал в выборах старшего султана, но говорили, что чиновники не пропустили.

Раньше отец особо не рассказывал о Кенесары. Смутное время три-четыре года назад хорошо запомнились ему, хоть Чокан был еще маленьким. Отец большей частью бывал не в ауле, а в укреплении. Приезжал в аул всегда в сопровождении солдат под руководством русского помощника. Мальчик замечал, что бабушка Айганым тоже весьма неохотно заводила разговор о детях своего деверя Касыма, которые повели за собой народ против режима. «У царя и войск много, и оружия много. Трудно противостоять ему. Сыновья Касыма требуют ликвидации округов, возвращения отобранных у казахов земель, создания самостоятельного ханства как при великом деде. Ой, не знаю, не знаю, разве сильный царь согласится на такое», – сокрушалась она. Когда потомки Вали хана откочевали на джайляу, тогда Чокану было три года, отряд под руководством сестры Кенесары Бопай ханши напал на ханскую ставку в Сырымбете, захватил и увез много добра. Вспоминая об этом, она вздыхала: «Разве это дело, когда потомки великого деда грабят друг друга?!»

Три года назад отец почти все лето проводил в недавно открывшемся Кушмурунском укреплении. В том году русские войска, выступившие из Омска и Оренбурга навстречу друг другу, намеревались окружить с двух сторон и уничтожить аулы Кенесары, расположенные в долине Тургая. В связи с этим омские власти довели до старшего султана Чингиса приказ, чтобы он находился вместе с выделенным для округа отрядом, а в случае необходимости двинулся в сторону Тургая на помощь. Отец вернулся только к концу августа, когда люди уже оставили джайляу и перекочевали на зимние стойбища.

Оказывается, Кенесары не сидел сложа руки и не ждал, когда его схватят. Хан был информирован о выступлении войск, и пока они добирались до нужного места, он поднял свои аулы и через Шет Иргиз проскочил на запад Мугоджарских гор. Причем не просто ушел, а обойдя оренбургский отряд, оказался в его тылу и ударил ночью по дружине султана-правителя восточной части оренбургских казахов Ахмета Жантурина, состоящей из двухсот казахских сарбазов, уничтожив многих из них. Самого Ахмета спасло то, что он незадолго до этого заболел и в ту ночь его просто не было в расположении дружины. «То, что Кенесары и в этот раз ускользнул удачно, удивляет моих русских помощников в округе. Они признают, что он искусный полководец», – сказал отец...

МЕЖДУ РЕКАМИ ТОБОЛ И ЕСИЛЬ

Об Ахмете Жантурине Чокан слышал с шести лет. Как-то поздней осенью 1841 года отец с группой людей отправился в сторону Кырықбойдак (Усть-Уйск) на берегу Тобола. Из разговоров взрослых мальчик понял, что там должны пройти торжества по случаю избрания нового султана-правителя Восточной части казахов Оренбургской области. Достойным этой должности оказался потомок знамени-

того Каип хана Ахмет Жантурин, который в последнее время часто встречался с Чингисом по вопросам определения по-новому пограничных рубежей между оренбургскими и сибирскими казахами. Новый султан-правитель специально пригласил на важное мероприятие своего родственника, потомка знаменитой ханской династии, возглавлявшего соседний округ.

Проводя совещание с приближенными по поводу предстоящей поездки, Чингис с одной стороны, видимо, для того, чтобы Чокан впитывал эту информацию подробно рассказывал о достоинствах Ахмета, который был всего на два года старше его, об образованности этого торе, о совершенном владении русским языком. О том, что он выписывает много газет и книг на русском языке, постоянно имеет их при себе, оренбургские чиновники симпатизируют ему именно за отличное знание русского языка. «В конце концов все мы – торе – родственны между собой, – рассуждал Чингис. – Наш дальний общий предок – Жадик, затем Высокорослый Есим. Ахмет – прямой потомок Старшего хана Каипа, который занял трон после Тауке. От *Каипа* родился *Батыр* – хан присырдарьинских родов алим-шумекей и родов аргын-кипчак, что на западе Среднего жуза, от Батыра – *младший Каипхан*, который правил сначала Хивой, затем казахскими родами, подчиненными его отцу. Затем трон перешел к его старшему сыну *Абулгазы*, правившему в основном родами алим-шумен, а второй сын *Жахангер* (Джангир) стоял во главе тургайских и тобольских родов аргын-кипчак. Сын Абулгазы *Арынгазы* сначала правил присырдарьинскими родами алим-шумекей, позднее всем Младшим жузом и стал весьма влиятельным ханом. А сын Жахангера *Жантуре* был избран ханом кипчаков в регионе Тобола и Тургая, его внучатый брат *Жумажан*, сын Кудайменде, который родился от деда Батыра, – ханом аргынов. Даже после ликвидации ханской власти потомки Каипа не оставались вне внимания белого царя. Так, Жумажан в 1824-1830 годы был султаном-правителем Восточной части оренбургских казахов, после него эту должность на протяжении пяти лет исполнял Жантуре. Ахмет – сын этого Жантуре. Крупными личностями являются и его дяди по матери. Внук знаменитого хана Младшего жуза Абулхаира, сын занявшего его трон Нуралы хана – Букей хан. А его сын – Жангир хан, который в течение восемнадцати лет правит Букеевской ордой, буквально в прошлом году получил звание генерала. Жантуре был женат на дочери Букея, старшей сестре Жангира Казикен. От нее родились его старшие сыновья Мукан и Ахмет. В 1835 году вместо Жантуре султаном-правителем Восточной части был избран наш двоюродный брат *Шотай* – сын Бахтыгереея, которого его отец, наш славный дед Абылай назначил ханом рода балта-керей. Теперь вместо Шотая власти Оренбурга решили поставить его родного зятя Ахмета – мужа дочери Башкен».

Пир состоялся на широкой равнине, где река Уй впадала в Тобол, где располагалась орда династии Жантуре хана. Это примерно в ста километрах от Кунтимеса.

На этих торжествах, в которых приняли участие начальник Оренбургской пограничной комиссии, хорошо владеющий казахским языком генерал-майор Г.Ф.Генс, представители «белой кости» Младшего и Среднего жузов, торе и бии, волостные управители, были соблюдены все церемонии того времени по величанию избранного султана-правителя. После оглашения имени нового султана-правителя его чапан был разорван на мелкие куски и роздан чествовавшей публике

в память об этом знаменательном событии. Затем состоялась байга, на дастарханы гостей подали полные блюда мяса, бурдюками – кумыс, певцы и музыканты показали свое искусство, акыны состязались в айтысе, борцы демонстрировали свою силу, потоками лились изумительные экспромты жырау...

В группе, сопровождавшей Чингиса, был Жумагул акын из рода курлеуткипчак, который покори́л всех исполнением дастана «Едиге». Наравне с ним гостей порадовал исполнением поэмы «Урак батыр» акын Нурумбай из рода алшын – приближенный к династии Жантуре. Особенно эффектно прозвучал монолог Карабатыра, обращенный к Урак батыру: «Если хочешь, то буду говорить я и скажу тебе, Урак, о далеких туркменах и грузинах, о глубоко лежащих башкирцах, о высокобашенной Москве и мохнаторотых русских, о хохлатоголовых калмыках и диоговорящих шушутах, которых заставил прислушаться к себе. К неверным посылал стрелы, к мусульманам душу свою открывал...» А главный борец Бекет во всех состязаниях не знал себе равных.

В ряде исторических документов зафиксировано, что в ритуале избрания султанов-правителей, как в древние времена ханов, принимали участие многие правители из разных регионов, проводились грандиозные торжественные мероприятия. Не будет преувеличением сказать, что той, посвященный утверждению знатного представителя ханской династии Ахмета Жантурина султаном-правителем Восточной части оренбургских казахов, прошел тоже на высоком уровне. Также известно, что в торжествах участвовали высокие чиновники из Оренбурга, всем гостям были преподнесены достойные подарки, очень богатое угощение

То есть вполне логично, что в тот день в ставке Ахмета торе Чингис был за одним дастарханом с знатными правителями Младшего жуза. Попробуем проанализировать, кто именно из них имел честь быть среди почетных гостей орды.

Тут в первую очередь, конечно, на ум приходит личность Жангир хана – правителя Букеевской орды, расположенной между Волгой и Уралом, прославившегося своими прогрессивными взглядами, разносторонней образованностью, хорошо владевшего русским, персидским, арабским, немецким языками. Несмотря на большое расстояние он мог бы разделить радость своего племянника, добившегося должности руководителя крупного, одного из трех частей Оренбургской губернии, должности, которая по значимости равнялась ханскому уровню. Однако в это время в ханской ставке Жаскус началась подготовка к традиционной осенней ярмарке, которая проводилась в середине сентября, также требовалось закончить строительство впервые открываемой школы, оснащение ее необходимым оборудованием и учебными материалами, поэтому Жангир не смог поехать на той Ахмета, тем более ему в середине предстоящей ярмарки надо было ехать в Оренбург. Поэтому он отправил на торжества племянника группу наиболее влиятельных родственников. *(Хотя между ставкой Жантуре и ханской ставкой в Жаскусе расстояние немалое, архивные документы показывают, что взаимоотношения между сватами никогда не прерывались. В одном из них, к примеру, зафиксирован факт приезда на осеннюю ярмарку, проходившую в ханской ставке в 1842 году, самого, уже пожилого, Жантуре султана из далекого Тобола. После ярмарки Жангир хан отправил старого зятя обратно с солидным подарком – целым табуном лошадей. Между двумя ханскими потомками позднее родственные связи были еще раз возобновлены. Сын Ахмета Сеитхан Жантурин женился на дочери Жангира Кадише, от которых родился Салимгерей Жантурин (1864-1920) – один*

из руководителей национально-освободительного движения казахского народа, выпускник Московского, Санкт-Петербургского университетов, депутат Первой Государственной думы.)

С кем еще глава Аманкарагайского округа Чингис мог встретиться на торжествах, посвященных избранию Ахмета султаном-правителем? В этой связи в голову приходят имена еще двух потомков Абулхаир хана – султана-правителя восточной части казахов Оренбургской области, двоюродного брата Жангира пятидесятилетнего полковника Баймагамбета Айшуакулы и его родного старшего брата, сына знаменитого кюйши Жантуре хана Айшуакулы, избранного буквально за три месяца до этого султаном-правителем средней части Арыстана Жантурина, который был примерно того же возраста, что и Чингис.

Бесспорно, на таком мероприятии высокого уровня Чингис вполне мог сидеть за одним дастарханом также с другими ханскими потомками – со своим родственником и тестем только что избранного султаном-правителем Ахмета Шотаем Бахтыгерейулы, с отцом Ахмета Жантуре и его младшими братьями Сермухамедом и Сулейменом Жахангерулы. В этой когорте можно было увидеть и Жазы Жанулы из рода аргын, который был первым бием-заседателем, когда Чингиса впервые избрали старшим султаном Аманкарагайского округа в 1834 году. В то время он превратился в одного из авторитетных и надежных биев нижних шекты-аргинов, владения которых после пересмотра рубежей между губерниями были переведены в восточную часть Оренбургской области. Поскольку его зимовья и джайляу были недалеко от Караобы, где находился центр Аманкарагайского округа, общение со ставкой Чингиса тоже никогда не прерывалось. Старший султан Чингис часто встречался с этим известным бием, который на совещаниях биев, рассматривавших решения по пограничному размежеванию и спорные вопросы между двумя областями, всегда защищал интересы аргинов, относящихся к Оренбургу.

В ставке Ахмета на почетном месте рядом с Жазы могли сидеть знатные бии Восточной части – руководитель верхних шекты-аргинов Шеген Мусаулы и глава рода узун-кипчак Балгожа Жанбыршиулы...

Когда за дастарханом собираются видные правители, торе, бии, обычно разговор получается обстоятельный, глубокий. В таких случаях, конечно, не обходят и тему движения Кенесары. И сейчас в центре внимания оказались последние новости относительно детей Касыма торе, которые после прошлогоднего (1840) временного соглашения с оренбургским губернатором Перовским жили в Тургайской, Улутауской стороне и вели себя тихо. Было сообщено, что среди лидеров родов и племен, поддерживающих Кенесары, этим летом проводилось совещание по избранию его всеказахским ханом и сейчас ведутся подготовительные работы. Отмечалось, что он намерен совершить поход в сторону Акмечети, Сузака, Ташкента с целью присоединения к себе тамошних казахов...

Многие из собравшихся в ставке хорошо понимали, что если восстание Кенесары будет набирать обороты, то им не будет покоя. Если царская администрация решит направить против «мятежного султана» вооруженные войска, то они вынудят и казахских правителей организовать отряды и воевать вместе с ними. В таких случаях ярко проявляется всегдашнее желание царских чиновников спровоцировать казахов друг против друга, а самим наблюдать со стороны. И как реальный результат этого – в настоящее время сами ханские потомки одного происхождения враждуют между собой. Конечно, свыше непременно поступит приказ

сформировать вооруженный отряд и выступить против Кенесары. Невыполнение приказа будет означать поддержку мятежного султана с соответствующими последствиями. В документе четко дается понять, что в эти последствия входят снятие с должности, предание суду, гонения на всех потомков и т. д. Казахские правители – неисправимые карьеристы – никоим образом не хотят расставаться с креслами султана, султана-правителя, волостного. Поэтому, нисколько не возражая, с готовностью принимают любое указание русского чиновника, превращаясь буквально в безропотного раба. Ибо бессилён что-либо предпринять против...

...На том совещании Ахмет султан в ходе беседы с Чингисом упомянул, что слышал, как тот по предложению полковника Ладыженского собирает образцы казахского фольклора и сам тоже занимается таким делом. Поблагодарил его за включение в число гостей акына Жаманкула и за исполнение им дастана «Едиге». И добавил, почему бы не записать сие произведение. Говорят, в Кокшетауском округе его исполняет и Арыстанбай акын, можно было бы записать и его вариант, сказал он, не скрывая свой интерес.

Об этом Чингис и сам мечтал давно, но реализовать задуманное удалось только в декабре того года. Казачья станица Звериноголовск, по-казахски Баглан, расположенная недалеко от впадения Обагана в Тобол, для казахов Аманкарагайского округа является одним из выгодных ярмарочных мест. После обоснования на зимних стоянках вдоль Обагана и Есиля, в таких защищенных от непогоды местностях, как Каршыгалинская роща, Каратал, Тогызбай, Салпык, Кундызды, Бетекей, Каркабат, Тогылбайтогай, Аралагаш, Нурлыбас, Кабантас, Карамурза, Каракамыс, Коктерек, Бакырильген, Сарыуленты, вокруг пресных озер Сарыколь, Караколь, Жарколь, Косколь, Бокенколь, люди начинают задумываться о «вылазке в город». Так у казахов называется специальная поездка на базар, где они все поставляемые туда виды скота обменивают на муку, сахар, чай, одежду, ткани, кожу и т. д. К этому, как правило, готовятся джигиты, знающие толк в этом деле. Делают теплые походные шатры из двух слоев кошмы, режут несколько баранов на дорогу, из соседних аулов собирают до сотни лошадей, затем вместе с этим табуном отправляются в Баглан. Керейцы, как сказано выше, большие мастера по дереву, они везут на базар свои изделия. В Баглан съезжаются люди не только из Аманкарагайского округа, но и из аулов Кокшетауского округа, восточной части Оренбургской области, и ярмарка начинает бурлить. Русские и татарские шустрые купцы оптом закупают у казахов их скот. Причем последние особо не торгуются, им главное, быстрее избавиться от своего «товара». По-своему думают, что продали по хорошей цене, затем расходятся по базару, чтобы отовариться самим, выполнить поручения земляков. Вот тут-то для спекулянтов наступает праздник. Они сбывают казахам из аулов мешками муку, тюками ткани, кожу, пудами сахар и чай. Сделав все дела, казахи находят время и для развлечений, остаются в городе еще дня на два-три.

Во время работы базара, когда в одном месте собирается максимальное количество людей, свои совещания проводят и правители, бии, волостные. Такие заседания обычно проходят в больших бревенчатых зданиях, где весело гудит русская печь, на них рассматриваются самые разные вопросы, в том числе и конфликтные. По итогам совещаний бии выносят свои решения. Бывают и такие проблемы, которые невозможно решить без участия старшего султана. Обычным делом являются щедрые взаимные угощения правителей, проведение увеселительных вечеров. На них свое искусство демонстрируют певцы и жырыши, акыны

соостязаются в мастерстве импровизации, победители получают чапаны, другие награды. В такие моменты особенно много дифирамбов высказывается в адрес старшего султана. А сколько правителей здесь же режут лошадей и преподносят ему как его «сыбага»?! Если же кому-то не удастся сделать это, то он попросту приводит лошадь и привязывает в сарае дома, где остановился глава округа.

В декабре Чингис вместе со свитой, выполняя свою миссию, находился в Баглане, и именно в этот период ему удалось выкроить свободный день, чтобы записать из уст Жумагул акына поэму «Едиге». Закончив важное дело, он сделал пометку на первой странице: «Эдыге. Джир. 1841 год. Декабрь. Звериноголовская станица».

...В следующем году, перебравшись на джайляу, он вызвал в ставку акына Арыстанбая и в его исполнении записал еще один вариант. Затем вместе с Чоканом, который к этому времени уже вполне овладел грамотой, они проанализировали оба варианта и, сравнивая их друг с другом, сделали единый, общий текст.

* * *

Стоял прекрасный осенний день 1842 года, листья высоких берез в округе Кунтимеса стали красными. Народ возвратился с джайляу и закончил обустройство на зимних стоянках. За полмесяца до этого пограничный начальник сибирских казахов полковник Н.Ф.Вишневецкий внезапно посетил Жаркаинское укрепление и срочно вызвал туда Чингиса. Старший султан, возвращаясь из этой поездки, приехал в свою ставку вместе с Ахметом Жантуриным. Тот, будучи членом пограничной комиссии по определению стоянок и пастбищ родов баганалы-найман и кипчак, оказывается, тоже был в Жаркаине по поводу разграничения земель казахов Оренбургской и Сибирской областей.

Род баганалы-найман и кипчакские роды кедель и каз издавна имели тесные взаимоотношения. Свободно общались между собой. Они зимой располагались рядом в Улутауских чащобах и вдоль рукавов Тургая, летом отправлялись на север, на джайляу в долине Есиля. В ходе определения земель, подведомственных управлению оренбургских и сибирских казахов, которое проводилось вот уже третий год, было решено отнести баганалинцев к Омской администрации, кипчаков – к Оренбургской. *(В то время никто и не обратил внимания на то, как султан-правитель Восточной части Ахмет Жантурин и его главный бий Жазы Жанулы сумели уговорить чиновников, возглавляющих пограничное размежевание, выделить оренбургской стороне побольше площади, что впоследствии привело к периодическим земельным спорам.)* Под влиянием обоих проводники границы традиционные зимовья баганалинцев, раскинувшиеся в долине притоков Бас Тургая – рек Карынсалды, Тасты, Ашудасты, Каинды, Кара Тургай, включили в территорию Оренбургской области. В первое время обе стороны не обращали особого внимания на это разграничение, продолжали свои привычные осенне-весенние движения. Но царская администрация вскоре спустила четкое указание, чтобы каждый род кочевал только на отведенной ему территории и

Султан-правитель Восточной части Оренбургской области Ахмет Джантурин. Конец 1840-х гг.

не пересекал границу, установила строгий запрет, чтобы кипчаки не перешли на джайляу вдоль Есиля, а баганалинские волости не устраивались на прежних зимовьях вдоль главных притоков Тургая, возвращаясь же летом из Улутау на Есиль, не проходили по территории, относящейся к Оренбургу, а двигались только по землям своих округов. Как известно, за этим скрывалось намерение колониалистов управлять казахскими родами, объединив их в рамках определенных администраций, и держать под постоянным контролем. С другой стороны эта мера имела для них и такую выгоду, чтобы четко следить за тем, какой род присоединился, а какой нет к Кенесары, который прошлой осенью на юге данного региона был поднят на белой кошке и провозглашен всеказахским ханом. Иначе трудно было определить – аулы находятся на джайляу, относящихся к Омску, или же на полдороге повернули, чтобы присоединиться к Кенесары.

Именно поэтому нельзя затягивать с определением границ, решили царские чиновники, и в начале осени они прибыли в Жаркаинское укрепление, находящееся в том месте, где река Есиль делает резкий поворот на север и превращается в Кольденен (Поперечный) Есиль. В Жаркаин, который считался одной из близких к границе крепостей, прибыли из далекого Омска пограничный начальник сибирских казахов полковник Н.Ф.Вишневский, из Оренбурга – чиновник по особым поручениям Министерства иностранных дел России, коллежский советник, руководивший делом межевания границы А.Т.Ларионов. Специально были приглашены султан-правитель Восточной части оренбургских казахов Ахмет Жантурин, владения которых лежали вдоль этой границы, старшие султаны Акмолинской Кокшетауской, Аманкарагайской округов, относящихся к Омску, полковник Конуркульджа Кудаймендеулы, капитан Абулхаир Габбасулы и майор Чингис Валиулы.

Чингис знаком с главой Акмолинского округа Конуркульджой торе с тех пор, как сам примкнул к властной структуре. Почти пятидесятилетний полковник Кудаймендеулы с 1832 года, когда был открыт округ, непрерывно является старшим султаном, в 1836 году от царя получил звание дворянина Российской империи. Человек огромного телосложения, он с важностью посмотрел на двух потомков Вали хана, которые пришли поздороваться с ним. Он тоже был благородного происхождения, являлся правнуком хана Среднего жуза Самеке – сына Азь-Тауке хана. От Самеке родился Есим, от Есима – Кудайменде, от Кудайменде – Конуркульджа. То есть Чингису доводится родственником с шестого колена. Против Кенесары он настроен сильно, который тоже не оставляет его в покое. В начале 1838 года Кенесары угнал 12 тысяч лошадей аула Конуркульджи, а осенью того же года напал на Акмолинскую крепость и разгромил ее. В народе хорошо знают, что Конуркульджа сам кое-как спасся при помощи русского отряда, возглавляемого войсковым старшиной Карбышевым.

На совещание в Жаркаине он приехал с большим удовольствием, так как планировалось рассматривать не только вопросы определения границ, но и то, как в дальнейшем преследовать и захватить Кенесары. Плюс к этому, через полтора месяца должны состояться выборы старшего султана Акмолинского округа. В последнее время увеличилось число претендентов на эту должность, которую Конуркульджа занимал десять лет подряд. Поэтому он считал, что лишний раз попасть на глаза омского высокого чиновника Вишневого несколько не помешает.

А глава Кокшетауского округа Абулхаир сам встретил полковника Вишневого в своем городе и вместе с ним приехал в Жаркаин, он был первым сыном Габбаса

торе, рожденного от байбиче Вали хана. Хотя Чингис, как главный продолжатель рода, имел больше привилегий, по возрасту Абулхаир был почти на десять лет старше его. Он только в конце предыдущего 1841 года был избран старшим султаном Кокшетау. Чингис хорошо знал, что это событие произошло неожиданно для всех.

В 1839 году старшего султана Губайдоллу Валиханова обвинили в связях с Кенесары и сослали в Березовку, и с тех пор вместо него выборы не проводились. Временно исполняющему обязанности главы округа Зильгаре бию вот-вот должно исполниться восемьдесят лет. В связи с этим в октябре 1841 года в Кокшетау проходили выборы, на которых конкурировали два претендента: однажды побывавший в этой шкуре, а сейчас являющийся волостным управителем рода есенбай-караул Сартай Чингисулы и волостной управитель атыгаевского рода бабасан-багыс, давно переваливший за сорок лет штабс-капитан Мандай Токтамысулы – сын подполковника Токтамыса Жанузакулы, который исполнял обязанности старшего султана, когда Губайдолла первый раз отрекся от этого поста. Большинство султанов и биев отдали свои голоса за Сартая – потомка Абылай хана и Вали хана. Однако власть предрержащие Омска не хотели видеть в этой должности своенравного, крутого торе, к тому же перешагнувшего шестидесятилетний рубеж, и, как бы учитывая его участие в свое время в восстании Саржана, за что отбывал ссылку в Сибири, не утвердили его кандидатуру. Генерал-губернатор Западной Сибири П.Д.Горчаков распорядился провести новые выборы. Воспользовавшись этим, потомки Абылая выдвинули из своей среды Абулхаира Габбасулы, имевшего опыт работы волостного управителя, и он, получив большинство голосов, добился победы...

После того как на жаркаинском совещании оренбургские и омские чиновники, правители, султаны, волостные и старшины рассмотрели вопрос о новом размежевании границ, полковник Вишневский выступил и призвал собравшихся быть всегда готовыми противостоять мятежным действиям Кенесары. Пограничный начальник сибирских казахов особый акцент сделал на незаконность прошлогоднего избрания Кенесары ханом, самовольное ведение им переговоров с бухарским эмиром, совершение похода на земли, подвластные Кокандскому ханству, и присоединение к себе казахов Каратауского и Присырдарьинского регионов. Ибо он – султан, подчиненный российскому царю, и не имеет права самостоятельно, без нашего разрешения иметь сношения с южными ханствами. Мы отправили Кенесары письменное отношение о необходимости вернуться в российские владения. По последним сведениям, сказал полковник, Кенесары сейчас направился в нашу сторону, предстоящую зиму намерен провести южнее Улытау, поэтому вполне возможно, что сторонники мятежного султана, как и в прошлые годы, начнут барымту – угонять лошадей не присоединившихся к нему аулов. Отметил, что такие нашествия на округа, подведомственные Омску, обычно совершаются со стороны Оренбурга, теперь же после завершения разграничения это должно прекратиться, а нарушители порядка будут строго наказаны. Особо подчеркнул, что в ближайшее время между генерал-губернатором Западной Сибири П.Д.Горчаковым и Оренбургским военным губернатором В.А.Обручевым пройдут переговоры относительно Кенесары, по результатам которых будут приняты важные решения... *(Конечно, в то время правящие султаны еще не могли знать, что по результатам соглашения обоих губернаторов российскому царю Николаю I будет отправлено ложное донесение, якобы Кенесары располагает целой армией и собирается на-*

пасть на Оренбург, что от царя будет получено разрешение на получение средств для полного уничтожения мятежного султана путем окружения его силами оренбургских и омских войск, на учреждение премии в 3000 рублей за голову Кенесары.)

Чингис в Жаркаине вновь встретился с чиновником Сибирского пограничного управления Александром Сотниковым, который этим летом несколько дней гостил у них на джайлау. Чиновник по особо важным поручениям разъезжал по округу и со стороны наблюдал действия восставших под руководством Кенесары собирал необходимые сведения и теперь, чтобы отчитаться перед своим непосредственным начальником полковником Вишневым за всю летнюю деятельность, встретил его в Кокшетау и приехал сюда вместе с ним. Интерес к собранной им информации проявил и представитель Министерства иностранных дел Ларионов, приехавший через Оренбург.

Среди этой информации было донесение бия рода канжыгалы Аманкарагайского округа Нугера Таймасулы, который в погоне за угнанными людьми Кенесары своими лошадьми добрался до вождя восстания и имел с ним беседу. Об этом Чингис знал хорошо. В ходе беседы Кенесары наотрез отказался признавать факт угона этого табуна своими людьми, тем не менее он распорядился, чтобы нашли воров, что было вскоре выполнено. Он сказал, что накажет их за нанесение ущерба безвинному человеку, а Нугеру вернул лишь 40 голов, обещав, что остальные отдаст потом, когда возвратятся основные виновники, в настоящее время кочевавшие в районе Сырдарьи.

Кроме него и другие ездили к Кенесары за своим похищенным скотом и добивались его возврата.

Нынешней весной баганалинцы угнали лошадей руководителя рода верхних шекты-аргын Шеген бия, но впоследствии этих животных захватили сторонники Кенесары. Сын Шегена Казыбек по этому вопросу пожаловался султану, и тот приказал вернуть ему весь скот. Целой историей является и поездка к Кенесары по такому же поводу живого сына Абылай хана Абдильды аксакала, проживающего в Аманкарагайском округе. Султан с почестями встретил родственника, несмотря на старость приехавшего из такой дали, велел поставить для него специальную юрту и ухаживать за ним подобающим образом. Через два дня, так и не повстречавшись с самим Абдильдой, передал ему, что его люди к угону скота не имеют отношения, но в знак уважения к старшине династии подарил ему трех верблюдов и отправил обратно. Чингису стал известен такой факт уже здесь, в Жаркаине. Лидер узун-кипчакцев хорунжий Балгожа Жанбыршаулы был ярым противником Кенесары, люди которого также угнали его лошадей. В погоню отправился сам бий, кстати, ровесник султана, и встретился с ним. В итоге они помирились, говорят, даже договорились, что Балгожа отдаст свою дочь за сына Кенесары...

После обоюдных приветствий Сотников, лукаво улыбнувшись, обратился к Чингису:

– Я должен показать вам одну интересную вещь, готовьте подарок за смотрины.

Султан был заинтригован словами знакомого чиновника, очень хорошо знающего казахский язык и обычаи:

– Ну, в долгу не останусь. О чем это вы?

Сотников достал из полевой сумки сложенную газету и развернул.

– Вот, Чингис Валиевич, газета «Одесский вестник» опубликовала мою статью о моем пребывании в вашем ауле. Из Одессы пришла в Омск почтой. Мой младший

брат Аполлон, который работает секретарем в пограничном управлении, передал с помощником Вишневого. Обратите внимание на заголовок – «Аул султана Чынгыса Валиханова, сына покойного владельца Средней орды Валихана».

Чингис прочитал газетную статью, где вся как есть была описана жизнь ставки торе полтора месяца назад, после обоснования на джайляу в долине Есиля; ему было по-настоящему приятно, что его имя, сведения о его ауле известны в далеком городе Одессе. Он с удовлетворением показывал газету своим русским заместителям П.Н.Сухомлинову и Н.П.Лишину. Они тоже стали рассматривать ее с нескрываемым интересом. А среди султанов особенно тепло воспринял Ахмет Жантурин, прекрасно владеющий русским языком и сам неплохо пишущий подобные вещи...

После завершения жаркаинского совещания Чингис предложил Ахмету Жантурину заехать к нему в Кунтимес и погостить, поскольку возвращаться им предстояло по одной дороге.

Ахмет торе в свою ставку, находящуюся в районе слияния рек Уй и Тобол, из Жаркаина обычно возвращался по традиционной торговой дороге, ведущей напрямик через Кушмурун и между частыми озерами западнее его, затем – на север, минуя Аракарагай, вплоть до Баглана и Кургана, и проходящей через возглавляемую им Восточную часть. Часть этого направления после Кушмуруна можно было продолжить и по трассе округа, идущей по правому берегу Обагана и появившейся вслед за открытием Аманкарагайского округа. Расстояние до ставки Жантурина по обоим направлениям примерно одинаковое. Если следовать по последнему, то Кунтимес – по дороге, поэтому Чингис своего почетного гостя решил повезти именно по этой трассе.

Два старших султана с многочисленными свитами только через несколько дней добрались до Кунтимеса, расположенного в 300 километрах от Жаркаина, по пути постоянно заезжая в аулы встречавших волостных управителей и биев и принимая их угощения.

В Кунтимесе тоже всесторонне готовились к встрече знатных вельмож. Встреча с участием известных акынов, певцов и музыкантов превратилась в настоящий той. Жумагул акын по просьбе Ахмета торе еще раз исполнил жыр «Едиге». Произведение в его исполнении было полно пафоса, буреподобного духа, потрясающих героических мотивов, мощных потоков казахского поэтического слова изумрудной красоты. Оно заканчивалось печальными нотами тоски Едиге, искавшего своего сына. В заключение прозой было передано состояние гибели отца и сына – Едиге и Нуралы, которые не смогли вынести душевные муки из-за издевательств Кадырберды султана. Ахмет искренне выразил свое удовлетворение искусством и мастерством акына и, повернувшись к хозяину дома, спросил:

– Кстати, вы записали этот дастан?

– Да. Мы с Чоканом записали варианты и Жумагула, и Арыстанбая, затем сравнивая их друг с другом и взаимно дополняя, сделали наиболее полный текст, – ответил Чингис и сказал сидевшему рядом сыну, чтобы тот достал из сундука и принес записи.

– Молодец Чокан, значит, он уже стал помощником в этом деле? – Ахмет умиленно посмотрел на мальчика.

– Он с пяти лет научился грамоте. А в ноябре ему уже исполнится семь лет. Сейчас может довольно быстро читать и писать, – сказал Чингис.

– Ну-ка, посмотрим записанный вами текст. – Ахмет взял листы и пробежался по ним взглядом. Затем добавил: – В целом записано правильно. Большое вы сделали дело...

В тот приезд почетного гостя выдалась возможность еще раз продемонстрировать традиционный обычай, предусматривающий дальнейшее укрепление уважительных взаимоотношений двух представителей ханской династии. В беседе за дастарханом Ахмет султан как бы между делом вставил, что в этом году у него родилась дочь и ее назвали Газизой. А через некоторое время, уловив удобный момент, Чингис произнес: «Мы – потомки славных казахских ханов, не чужие друг другу. Как вы посмотрите на то, если мы возобновим родственные отношения между двумя династиями, станем сватами. Есть желание помолвить нашего Чокана и вашу новорожденную дочь».

С момента приезда Ахмет приглядывался к Чокану, и ему импонировали способности, одаренность мальчика, поэтому он дал понять, что не против такого предложения. «Если есть возможность продолжить наши теплые взаимоотношения еще сватовством, то что можно сказать кроме благодарности. Я дома передам ваше намерение», – сказал он.

После этих разговоров и проводы Ахмета торе, естественно, сами собой приняли еще более торжественный характер. Да и подарки были преподнесены более весомые, чем обычно. Перед самым отъездом Ахмета торе Зейнеп ханум сказала ему: «Передайте наш привет Башкен свахе», – что как бы еще глубже конкретизировало начатую договоренность.

С тех пор оба султана в своих взаимоотношениях перешли на еще большую уважительность, эти отношения стали приобретать значимость как между потенциальными сватами, и они старались вместе делить радости друг друга, обязательно участвовать в проводимых тоях и подобных мероприятиях. Когда Чингис в 1843, 1846 годах четвертый и пятый раз подряд избирался старшим султаном округа, Ахмет каждый раз специально приглашался на торжества по случаю утверждения на высокую должность и сидел на самом почетном месте.

В прошлом 1846 году, бывая на торжествах, Ахмет рассказывал Чингису, что его младший брат Махмут год назад поступил в Оренбургский кадетский корпус имени Неплюева¹, что вместе с ним в этом учебном заведении еще учатся сын Жангир хана Исмаил², сын его младшего брата Мендыгерей Арыстангерей³, сын тестя Жангира Караулходжи Бабаджанулы Мухамбетсалык⁴, сын ханского советника Шолтыр бия Бекмухаммедулы из рода шеркеш (он доводится родственником младшей жене Букей хана Жуме) Мухаметжан⁵ и другие – всего около десяти детей. И

¹ Махмут Жантурин обучался в Неплюевском кадетском корпусе в 1845-1851 годы, затем служил начальником 21-й дистанции сотником, вместе со старшим братом Муханом Жантуриным занимал должность султана-правителя Восточной части оренбургских казахов.

² Исмаил во время учебы в кадетском корпусе умер в 1850 году.

³ Впоследствии он стал главой рода шеркеш, сотник.

⁴ Мухамбетсалык (Салык) Бабаджанов. Будущий этнограф, общественный деятель, просветитель. Член Русского географического общества. Сотник. Начальник Камыш-Самарской части Внутренней (Букеевской) Орды.

⁵ Мухаметжана Бекмухамбетова впоследствии в народе прозвали «Макаш акимом». Известный оратор, бий, музыкант-кюйши, собиратель образцов казахской устной литературы. Есаул. Около сорока лет возглавлял Тенгизский округ. В документах есть сведения о том, что в том же 1845 году в Неплюевский корпус кроме них поступили еще сын ханского советника Шомбал бия Ниязулы Жусуп (впоследствии войсковой старшина, аким Нарынской части Букеевской (Внутренней) Орды), сын ханского советника Шукет торе Нуралыулы Зулхарнай (впоследствии глава рода бериш), сын

намекнул, что надо бы отдать Чокана в Омский кадетский корпус, который открылся в прошлом году. У них, оказывается, этому вопросу уделяется большое внимание, и каждый год из Оренбургской пограничной комиссии на имя султанов-правителей поступает распоряжение о направлении определенного количества казахских детей в их учебное заведение. Во исполнение данного указания султаны с помощью местных руководителей составляют списки детей, которых родители хотели бы отдать учиться. Ахмет торе сказал, что он сам намерен направить на учебу сына Сеитхана, когда тому исполнится одиннадцать лет, а он был на два года младше Чокана

Чингис в последнее время тоже подумывал о дальнейшей учебе Чокана, отличавшегося в кунтимесской школе своими способностями, энергичностью, хваткой. Султан был в курсе, что Сибирское казачье военное училище, здание которого находилось рядом с Омской азиатской школой, где в свое время учился сам, в прошлом году было преобразовано в кадетский корпус. Но туда пока никто из казахских детей из подведомственных Омску округов вроде не поступал. Поэтому он еще раздумывал. Но пока он думал, оренбургские казахи, оказывается, уже массами направляли своих детей в военные школы.

После окончания всех хлопот, связанных с проведением торжеств по случаю утверждения Чингиса в пятый раз старшим султаном округа, он специально советовался с одним из своих русских помощников Василием Ивановичем Дабшинским. Он давно знал его и тесно, открыто общался с ним. Его отца, коллежского советника пограничного управления сибирских казахов, толмача И.Г. Дабшинского Чингис знал еще со времени учебы в Омской азиатской школе. Прекрасный знаток казахского языка тот с 1810 года на протяжении восьми лет преподавал в этой школе татарский язык. В 1818-1822 годах работал переводчиком в Ямишевском укреплении, затем в пограничном управлении сибирских казахов и поднялся до должности титулярного советника.

В первый год учебы в Азиатской школе Чингис жил на квартире у старого знакомого Айганым ханум татарина-толмача Сейфуллина, но когда условия там со временем стали ухудшаться, он мог поделиться своими проблемами только с этим советником И.Дабшинским. В конце концов с его помощью он написал письма от своего имени и от имени матери начальнику областного управления и добился выделения ему одной комнаты сначала в гостинином доме, построенном специально для приезжающих степных правителей, затем в общежитии казачьего военного училища. С тех пор И.Дабшинский стал близким человеком для семейств Айганым и Чингиса. А его сына Василия Чингис тоже знает с тех пор, как стал общаться с семьей титулярного советника.

Василий лет на пять младше Чингиса, он пошел по стопам отца и начал служебную карьеру с толмачества. Казахским владеет в совершенстве. Сначала работал переводчиком в Ушбулакском округе, затем – помощником секретаря в канцелярии пограничного управления сибирских казахов, после этого – секретарем управления. С января 1846 года является русским помощником старого знакомого, старшего султана Чингиса Валиева.

– Казахи Оренбургского края стали отдавать своих детей в кадетский корпус. Я бы тоже хотел отдать Чокана в такое же учебное заведение в Омске. Ты хорошо

старшины ногайского рода Акболата Санырыкулы Мырзагали (впоследствии толмач Оренбургской пограничной комиссии), зять Букей хана, сын главы рода алаша Бажака торе Касымулы Мухаммед (из-за здоровья не смог закончить учебу). Кроме Махмута Жантурина все эти воспитанники оказались в кадетском корпусе после окончания школы, имевшейся в Жангириновской ставке.

знаешь тамошние порядки, не трудно ли будет мальчику, абсолютно не знающему русский язык, сумеет ли он учиться там как следует? – спросил он заместителя.

– Вы правильно думаете, – отозвался Дабшинский. – Такой смысленный малый, как Чокан, непременно должен учиться. Надо отдать его в кадетский корпус. В нашем Омске другого надлежащего учебного заведения я не вижу. По-моему, после преобразования его в кадетский корпус его уровень стал подниматься. Хотя туда массово не принимают казахских детей, как в оренбургском Неплюевском корпусе, но есть разрешение принимать детей правящего клана, поэтому вам надо воспользоваться этим. В будущем наступит время, когда таких правителей, как вы, станут выбирать из числа окончивших подобные военные учебные заведения. Поэтому, отдав Чокана в кадетский корпус, вы нисколько не проиграете. Ему только исполняется одиннадцать. Осенью следующего года его уже можно везти туда. Если хотите, в Омск я поеду вместе с ним, через пограничное управление выйдем на руководителей корпуса, да и у вас, как у многолетнего старшего султана, авторитета хватает. Кому же учиться в кадетском корпусе, если не таким талантливым детям, как Чокан?

Со словами Дабшинского совпали и мысли других русских знакомых Чингиса, часто приезжающих в ставку. Старший султан твердо решил – его первенец должен учиться в Омске. Таким образом, в летний сезон 1847 года на джайляу близ Акканбурлука среди родственников и близких распространилась весть о том, что этой осенью Чокан поедет учиться в Омск.

Бабушка Айганым по этому поводу завела теплый разговор с любимым внуком. «Я и твоего отца, уже великовозрастного, в свое время отвезла в Омск учиться в военном учебном заведении в надежде, что сие образование поможет ему занимать высокие должности, достойные ханской династии. Так оно и вышло впоследствии, сейчас он имеет солидный вес в обществе. А ты же едешь в самом надлежащем возрасте. Веди себя достойно. Да хранит тебя дух великого предка!» Некоторым же было совсем не по нраву эта затея. «Как можно отпустить одного такого маленького? Чтобы он превратился в русского? Жалко, жалко...» – шептались между собой эти «доброжелатели».

* * *

В конце лета 1847 года из Кунтимесовской ставки по трассе округа вдоль Обагана в сторону станции Звериноголовской отправилась крытая карета, запряженная парой лошадей. Ее провожало около десятка всадников. В карете кроме кучера было три человека: старший султан Кушмуруна Чингис Валиханов, который вез старшего сына Чокана в кадетский корпус, и его заместитель, коллежский секретарь Василий Дабшинский.

Накануне Чингис собрал аул на небольшой той по поводу отправки сына в большой путь. Взрослые выразили мальчику благословение. С тех пор как зародилась идея об учебе в большом городе, вроде прошло немало времени, чтобы привыкнуть к ней, но когда пришло время отправляться, обычно упорный, смелый Чокан по-настоящему заволновался. То, что одноаульчане собрались провожать его в дальнюю дорогу, как мать Зейнеп, скрывая наворачнувшиеся на глаза слезы, часто обнимала и целовала его, как ни шагу не отходили от него младший брат, десятилетний Жакуп, сестры Бадигулжамал и Рахия, – все это навяло на мальчика какую-то необъяснимую тоску. Чтобы быстрее закончились эти тягостные минуты,

он поцеловал двухлетнего брата Макъжана, которого держала на руках мама, и быстро поднялся на ступеньку кареты, потом устроился рядом с ожидавшими его взрослыми. Путники, добравшись до Звериноголовска, должны были отправить лошадей обратно, а сами поехать по дороге, называемой ямским трактом и идущей вдоль границы, направиться напрямую в Омск.

Это был первый вылет птенца-сокола из родного гнезда в такую даль. Он взял курс на предстоящие дни – навстречу своей нелегкой судьбе, полной радостей и трудностей, веселья и печали, навстречу своей короткой, но великой судьбе, которой ему было уготовано совершить поистине удивительные, масштабные дела...

ВОСПИТАННИК КАДЕТСКОГО КОРПУСА

До июля оставалась еще неделя, в Омске стоял необычно жаркий день. Духота, царившая на улицах города, будто гнала местных жителей, которые стремились максимально эффективно использовать каждый день и без того короткого сибирского лета, на речную прохладу. На широком пляже Иртыша было столько купающихся, загорающих людей, что, казалось, яблоку негде упасть.

С двенадцатого этажа высотной гостиницы «Турист», где я устроился, в первую очередь в глаза бросаются широкая полоса Иртыша и этот пространственный пляж. Затем взор останавливается на высоком мосту через реку, на городских домах, которые кварталами тянутся влево, начиная прямо с берега Иртыша.

Гостиница расположена в старом центре Омска. Буквально рядом с ней река Омь свои темные воды вливает в черно-коричневый поток Иртыша. Как раз на месте соединения обеих рек когда-то был забит первый колышек города. Место первоначальной крепости, исторические здания и дома, дошедшие до наших дней дух древности, находятся именно в этом районе.

Одно из таких зданий – кадетский корпус, где учился Чокан, – видно в окно как на ладони. Двор высокого здания с красной крышей представляет собой плац для строевых занятий. Оно и сегодня, как и в старину, является учебным заведением, готовящим военных специалистов. Военное училище.

Следовательно, первое знакомство с Омском должно начаться с того старинного здания, в стенах которого воспитывался Чокан.

Я вышел на улицу и направился в областной краеведческий музей, мимо которого проходил недавно, когда шел устраиваться в гостиницу. Он – бывший дворец генерал-губернатора. Не дойдя до него, повернув направо и пройдя еще немного, можно увидеть здание бывшего кадетского корпуса. Поскольку раньше не раз приходилось видеть на фотографиях, оно предстало перед взором как нечто знакомое и близкое. На его фасаде, состоящем из высоких

Мемориальная доска на стене Омского кадетского корпуса.

Памятник Валиханову в Омске. Скульптор А. Баярлин. 2004 г.

колонн и лестниц, имелось три мемориальных доски. Одна из них посвящена Чокану, на ней написано: «Выдающийся просветитель, казахский ученый Чокан Чингисович Валиханов (1835-1865) учился в Омском кадетском корпусе в 1847-1853 гг.». (В настоящее время на улице, расположенной рядом и носящей имя Чокана Валиханова, в 2004 году от имени Президента Республики Казахстан был поставлен памятник Чокану как дар городу Омску. На постаменте Чокан изображен в военной форме, его взгляд устремлен вдаль, на коленях – раскрытая книга.)

* * *

...В Омске к паромному причалу на берегу Иртыша подъехала со стороны степи и остановилась крытая карета. По слою пыли, накрывшей весь экипаж, можно было понять, что люди приехали издалека. Это был Чингис с небольшой свитой, добравшийся из Обагана за четыре-пять дней.

Пассажиры сошли на землю, чтобы походить, размяться до прихода паромов. Для Чокана все было в диковинку – широкий Иртыш, грузовые суда и баржи, лодки, снующие по течению и против, большой город с высокими домами, начинающийся сразу с противоположного берега, поскольку все это он видел впервые в жизни. Паромный причал находится буквально напротив высокого здания кадетского корпуса. Внимание Чокана сразу привлекло это внушительное здание, словно нависшее над рекой и казавшееся выше, чем остальные дома. Отец заметил, что сын удивленно смотрит на него.

– Видишь вон то здание? Это и есть кадетский корпус, ты будешь учиться там, носить военную форму, – сказал он.

Вскоре прибыл паром, и их карета заехала на него. Паромщики быстро доставили всех на другой берег. А через некоторое время карета остановилась перед небольшим домом Дабшинского в центре города.

Чокан, войдя вместе со всеми в дом, сначала сидел несколько отчужденно, затем, освоившись, стал оглядываться по сторонам. В доме мебели было немного. Но хватало книг и всяких бумаг, на столе, стоявшем рядом с ним, тоже лежали листы бумаги и карандаш. Ему и до этого приходилось не раз встречаться с приезжавшими в их аул землемерами, учиться у них рисованию, поэтому сейчас же захотелось взять в руки бумагу и карандаш. Смотрит, взрослым до него дела не было, они увлеклись своими разговорами. И он взял карандаш, начал рисовать на бумаге виды города, запомнившиеся дорогой. Постепенно вывел контуры высотного здания, не забыл и об узорчатых окнах, двери...

– Чингис Валиевич, смотрите, ваш сын уже успел нарисовать наш Омск. – Чокан поднял голову, когда рядом прозвучал удивленный голос Дабшинского, который, оказывается, тихо подошел сзади и наблюдал за действиями мальчика. Чокану стало неудобно. Но хозяин дома быстро успокоил его:

– Молодец, Чокан, ты хорошо изобразил первые впечатления, – сказал он и похлопал его по плечу.

Подошел отец и тоже стал рассматривать рисунок.

На следующий день майор Чингис Валиханов и коллежский секретарь Василий Дабшинский пошли в кадетский корпус и занялись хлопотами по устройству Чокана на учебу. По этому поводу они специально были на приеме у директора корпуса генерала Ф.А.Шрама.

Генерал не был против того, чтобы сын старшего султана учился в данном заведении, которое готовило младших офицеров российской армии. «Согласно полученному указанию в кадетский корпус разрешено принимать детей таких уважаемых, влиятельных людей-казахов, как вы. Мы примем вашего сына, но если не будет успевать, то не обижайтесь – исключим», – сказал руководитель корпуса.

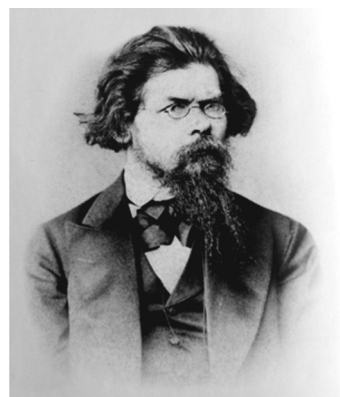
А на второй день у Дабшинских, где Чингис остановился с сыном, произошла особая встреча. Хозяин дома привел русского мальчика в кадетской форме, примерно одинакового с Чоканом возраста.

– Чокан, я хочу познакомить тебя с Гришей. Он твой ровесник. После поступления в корпус ты тоже будешь выглядеть, как он, – сказал хозяин.

– А этого мальчика зовут Чокан, – обратился затем к Грише по-русски. – Он приехал поступать в корпус. Надеюсь, вы подружитесь. Он хорошо рисует, вот посмотри сам, замечательно ведь, правда? – и показал вчерашние наброски Чокана.

Это был сын казака Пресновской станицы Н.И.Потанина Гриша, уже закончивший первый курс корпуса и теперь вернувшийся после летних каникул. Отец мальчика Николай Ильич был хорошим знатоком казахской жизни, совершил несколько путешествий в Коканд и оставил об этом соответствующие записи, несколько лет являлся командиром отряда в Баянаульском округе, в свое время, будучи сотником, тесно общался с биями Шоном, Шорманом, однако позже из-за каких-то недостатков в службе он был понижен в чине до рядового казака. Чингис и Дабшинский знали его давно. Григорий Потанин, впоследствии ставший прославленным путешественником, видным ученым, так вспоминает свою первую встречу с Чоканом:

«Я увидел Чокана в первый раз еще до его поступления в корпус, именно в квартире В.И. Дабшинского. Как это случилось, я не помню; до этого визита я никогда у Дабшинского не бывал. Я уже в это время прожил год в корпусе, а потому, вероятно, меня избрали нарочно в первые знакомцы Чокану, чтоб он не так сильно почувствовал свое одиночество, когда его наконец оставят в стенах корпуса. Чокан ни слова не знал по-русски и уже тогда любил рисовать карандашом; Дабшинский показывал картинку, нарисованную Чоканом уже в Омске; русский город поразил мальчика, и он изобразил карандашом один из городских видов».

Г.Н. Потанин

Как известно, предварительно обдуманнные планы взрослых дали блестящие результаты. Их дружба, берущая начало с кадетского корпуса, относится к числу самых замечательных образцов честных, преданных взаимоотношений между людьми до конца их жизни. Благодаря дружбе с Чоканом Потанин, с чистым сердцем полюбивший казахский народ, его действительность и духовное богатство, позднее о своем дорогом друге написал прекрасные воспоминания. Оставил светлые размышления о казахском народе.

* * *

Мемориальная доска на бывшем кадетском корпусе свидетельствует о том, что в этом здании в свое время располагалось командное войсковое училище (впоследствии оно вновь преобразовано в кадетский корпус). Объяснив дежурному офицеру

цель своего визита, я вошел внутрь. В противоположной стороне широкого двора находилась старая часть здания. Одна из сторон его – музей училища. Начальник музея полковник В.И.Кичигин повел меня в прежние комнаты корпуса. Проходя по комнатам казармы со стенами метровой толщины, с верхними дугообразными косяками дверей, с особым трепетом ловишь себя на мысли, что именно в этих стенах прошли шесть лет юной жизни воспитанника Чокана. Поднимаясь по железным ступенькам на верхние этажи, затем спустившись снова вниз, заходя в бывшие спальные комнаты, учебные классы, столовую, впитывая дух старинной эпохи, идущий от учительской комнаты, невольно задумываешься о жизни кадетов того времени.

Омск. Здание Сибирского кадетского корпуса, в котором учился Чокан Валиханов.

Очень много сведений о кадетском корпусе собрано в основном в Омском областном государственном архиве. Тамошний 19-й фонд полностью охватывает материалы кадетского корпуса. Перелистывая пожелтевшие документы и старые книги в тихом читальном зале архива, словно окунаешься в жизнь корпуса тех лет, когда там учился Чокан.

В 1813 году учебное заведение было основано как войсковое казачье училище и только за два года перед поступлением Чокана было преобразовано в Сибирский кадетский корпус. После этого в жизнь корпуса стали внедряться позитивные новшества. Раньше часть учителей, особенно в низших классах, была урядниками; обращение с воспитанниками было грубое; обедали воспитанники из оловянных тарелок деревянными ложками; в классах все было основано на долблении от сих и до сих; за неуспехи и шалости сильно пороли. Преобразование началось с того, что из Петербурга были присланы офицеры-воспитатели; старая посуда заменена фаянсовой, ложки даны серебряные, пищу значительно улучшили, воспитанникам стали говорить «вы».

Но самая главная реформа была произведена в классах: молодой артиллерийский капитан Ждан-Пушкин, служивший в строю на Кавказе, был назначен инспектором классов (впоследствии он исполнял обязанности директора 1-го Московского кадетского корпуса). Он внес новый дух в заведение. Ждан-Пушкин был разносторонне образованный человек, знал французский, немецкий и английский языки, был отлично знаком с историей европейской литературы, особенно английской, и с историей вообще. Его благородный и открытый характер оставлял глубокий след в умах питомцев, кадеты старались подражать ему. Первым его делом было сформировать новый состав учителей. Среди наиболее достойных он оставил таких, как преподаватель русского языка и литературы, казак по происхождению, выпускник факультета востоковедения Казанского университета, знаток казахского, арабского, персидского языков Н.Ф.Костылецкий; большой ученый, читавший лекции по истории цивилизации, Г.В.Гонсевский; историк А.И.Сулоцкий; географ Е.И.Старков.

Для кадетов, для Чокана в особенности, особую значимость имели знания, данные Николаем Федоровичем Костылецким, который в Казанском университете был воспитанником такого крупного ученого, как Казымбек мурза. Хотя по своей специальности он был востоковедом, но преподавал русскую литературу и обращал внимание на то, чтобы информировать слушателей о сути идей свободы того времени.

Так, Костылецкий свой урок по русской литературе начинал в основном с критических статей Белинского, еще не разрешенных царской цензурой. Подобные уроки, на которых потоками низвергались актуальные мысли великого критика относительно общественной жизни, оказывали на воспитанников неизгладимое впечатление. Огромный интерес к произведениям Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Герцена, Диккенса и Теккерея в сознании Чокана проснулся именно с лекций Костылецкого. Резкая критика такими учителями имеющих место в обществе нечестности и двуличия, несправедливости и лжи, крепостничества, безбоязненное использование в этом плане сарказма оказывали значительное влияние на развитие мышления кадетов, на формирование в основном правильного мировоззрения о жизни, об общественных явлениях. Понятно, что искреннее, чистосердечное выражение Костылецким своих прогрессивных мыслей не совсем нравилось местным чиновникам. За открытую пропаганду идей свободы его постепенно стали подвергать гонениям. В конце концов в 1865 году вынудили уйти из кадетского корпуса. В последние годы жизни он испытывал большую нужду, терпел нищету.

Бесспорно, что для Костылецкого, который как востоковед занимался и собиранием образцов казахской устной литературы, приход в кадетский корпус такого одаренного ученика, как Чокан, был отрядным событием. Сам хорошо зная казахский язык, наставник поручал Чокану собирать варианты устного народного творчества, некоторые из них он вместе со своим воспитанником брался переводить на русский язык. Эти бесценные вещи, которые Чокан во время каникул записал вместе с отцом, затем отдал Костылецкому, позже стали известны в ученой среде под названием «Кушмурунский список». В 1851 году Костылецкий вместе с Чоканом перевели на русский язык дастаны «Едиге» и «Козы Корпеш – Баян сулу» и отправил своему старому знакомому и сверстнику, профессору Казанского университета, видному тюркологу И.Н.Березину. (Костылецкий не только таким воспитанникам кадетского корпуса, как Чокан, но и казахским детям, обучающимся в школе толмачей, где тоже преподавал, поручал во время летних каникул в своих аулах записывать образцы казахской устной литературы, этнографические сведения, а также все, с чем приходилось сталкиваться, услышать. Из всего обилия материала, собранного таким методом, наиболее заслуживающие внимания он отбирал и отправлял в печатные издания, предлагал вниманию ученых).

* * *

Конечно, вполне возможно, что многих преподавателей в первое время беспокоило сомнение, сможет ли Чокан, проучившийся лишь в аульной казахской школе и практически не знавший русского языка, успевать в военном учебном заведении с ее сложной программой. Но Чокан поразил всех тем, что буквально за первый год учебы не только освоил русский язык, но и по успеваемости вышел в лидеры. Хотя в ауле, как сын старшего султана, представитель ханской династии, он не знал никаких ограничений, препятствий в своих действиях, рос вольно, но тем не менее быстро привык к строгим правилам и порядкам корпуса.

В материалах 19-го фонда есть немало сведений о том, как в то время проходили учеба и повседневная жизнь кадетов. Воспитанники корпуса были разделены на две части: роту и эскадрон. В роте, которая располагалась на втором этаже, воспитывались дети чиновников и пехотных офицеров, эскадрон, разместившийся на первом этаже, состоял исключительно из детей казаков. Чокана руководители корпуса по установленному для казахских детей порядку определили в эскадрон.

Этот факт не мог не оказать своеобразного влияния на миропонимание Чокана. Об этом влиянии позднее подчеркивал Потанин: *«Киргизский барчонок, потомок киргизских ханов, будущий киргизский аристократ попал в совершенно плебейскую среду, потому что в эскадроне, в противоположность роте, господствовали казацки-предания самого плебейского свойства. Эта жизнь в плебейской среде, вероятно, не осталась без влияния на образование демократических мыслей Чокана».*

Рота и эскадрон делились на отдельные подразделения, причем это производилось не по возрастам учеников и не по классам, а по росту в строю. Вот почему Чокан был в одном отделении вместе с Гришей Потаниным, хотя тот был курсом старше. Каждое отделение имело свою спальную комнату, там же и готовилось к занятиям.

По принятому в корпусе учебному распорядку подъем кадетов происходил в 6 часов утра. После команды дежурного они вскакивали с постели, быстро одевались и выходили на зарядку, затем умывались и строем следовали в столовую. Там каждому ученику за столом выдавали по четвертинке булки. Это и был весь завтрак, после которого до обеда шли занятия в классах. Обед давали тоже в основном однообразный: суп из квашеной капусты и каша. После обеда опять занятия в течение трех часов. По завершению занятий полагался перерыв на полчаса, и до восьми вечера кадеты готовились к затрашим урокам. Ужин состоял из чашки каши и кружки кваса. Лишь в праздничные дни в меню добавляли блюда из говядины, рыбы и пирожки.

Обновление учебной программы с приходом в кадетский корпус нового инспектора Ждана-Пушкина, труд квалифицированных преподавателей оказали большое влияние на получение кадетами качественных знаний, в том числе на широкое раскрытие способностей Чокана, выходца из аула. И на самом деле предметы, преподаваемые в военном учебном заведении по подготовке младших офицеров в Омске – в этой глубинке громадной империи, отличались своей основательностью. В семилетнем корпусе кроме военных дисциплин изучались: общая география, в том числе характеристика казахской степи, история, религия (для мусульман – каноны ислама), русская и западная литература, основы философии, ботаника, зоология, физика, алгебра, геометрия и тригонометрия, архитектура, черчение и рисование, русский, французский или немецкий языки. Для казахских детей давались уроки казахского языка. Для учеников старших классов проводились специальные занятия по фехтованию и танцам. О том, что кадеты в целом хорошо осваивали искусство танца, свидетельствует разрешение приходить в зал для танцев самым лучшим девушкам Омска.

Бесспорно, что все это – содержательная учебная программа, высокий профессиональный уровень преподавателей, своеобразные лекции группы наставников, сформированных в духе демократических идей того периода, – оказало особое влияние на одаренного от природы юного Чокана. Буквально за два-три года он своими способностями, глубокими рассуждениями обратил на себя внимание всех.

В первую зиму его часто брал к себе домой хороший знакомый отца, секретарь пограничного управления сибирских казахов, много раз побывавший в их ауле, А. Сотников. После того как довольно неплохо овладел русским языком и привык к порядкам корпуса, Чокан нашел в лице офицера главного штаба, учителя рисования В. Померанцева заботливого старшего товарища. В том, что умеющий рисовать еще до поступления в корпус мальчик с большим желанием продолжил совершенствоваться в данном деле свое мастерство, есть влияние этого чистого ду-

шой, веселого нрава человека. По поручению Померанцева Чокан во время летних каникул сделал множество набросков из казахской жизни, нарисовал акварелью топографические пейзажи Обаганской долины, стойбища предков, виды Сырымбета.

Чокана тепло принимали и в доме молодого учителя истории Г. Гонсевского. Для будущего ученого особую значимость имели рассказы во внеурочное время этого владеющего уникальными знаниями человека, который получил образование в университетах Вильно и Казани, читал в оригинале Гете и Шиллера, Шекспира и Байрона, Гейне и Мольера. Его искренние мысли об истории освободительного движения в европейских странах и России, похоже, оказывали существенное влияние на формирование разносторонности Чокана в отличие от других его сверстников. В успешном овладении немецким и французским языками на Чокана, в целом способного к языкам, также велико было влияние этого наставника.

В последние годы учебы казахский юноша, на котором ладно сидела кадетская форма, стал близко общаться с одной из немногих образованных, аристократических семей Омска – с домом председателя областного управления сибирских казахов и заместителя военного губернатора этой области полковника Карла Казимировича Гутковского. Гутковский наряду с высокой должностью преподавал в корпусе географию и геодезию и с первых дней появления здесь Чокана проявил к нему особую симпатию. Поляк по национальности, он был добродушным человеком, всегда готовым прийти на помощь местному казахскому населению, уже тогда видел в молодом кадете личность, которая в будущем может стать гордостью своего народа. С самого начала между ними установились добрые отношения, взаимная симпатия друг к другу, Гутковский воспринимал Чокана как родного сына.

Бывая в этом доме будучи учеником корпуса, Чокан близко познакомился с еще одним интеллигентным домом Омска – семьей Капустиных. Жена Гутковского Екатерина Яковлевна была старшей дочерью начальника отдела Западносибирского Главного управления Якова Семеновича Капустина. А «младшая» мама Екатерины Яковлевны – вторая жена Капустина Екатерина Ивановна – была родной старшей сестрой будущего великого химика Д.И.Менделеева. Еще с кадетских лет став постоянным желанным гостем этих двух семей, Чокан и позже, в годы службы, никогда не прерывал теплых взаимоотношений с ними. Бывая в этих домах, он познакомился со многими знаменитыми людьми, побывавшими в Омске, принимал участие в бурных дискуссиях, традиционных беседах касательно вопросов литературы, общественной жизни и политики.

Его тесное общение с семьей Капустиных получило еще большее, особое развитие после того, как после окончания в 1852 году юридического факультета Казанского университета приехал в Омск и стал работать в Западносибирском главном управлении младший брат Екатерины Яковлевны Семен Капустин, который стал самым близким другом Чокана. Как писали его современники, «один из образованных и благородных людей Омска», впоследствии служивший в Петербурге, в министерствах юстиции и внутренних дел, С.Я.Капустин от чистого сердца оставил о своем друге Чокане теплые воспоминания. В них он подчеркивал, что удивлялся знаниям Чокана с его лишь кадетским образованием, несколько не уступавшим знаниям его самого, окончившего Казанский университет; разносторонности Чокана, особенно его знаниям истории, широкой информированности в науках, литературе; вместе с тем его коммуникабельности, неповторимому ораторству, содержательности рассуждений и даже приятному тембру его голоса

* * *

...Если, выйдя из ворот бывшего кадетского корпуса, повернуть направо, то перед взором откроется вид плавно текущего Иртыша. Я стоял на ступеньках, положенных наискосок крутого берега, и смотрел на полноводное течение реки, на заросший тальником противоположный берег. Там в те далекие годы останавливалась повозка, на которой приезжал Чокан после летнего отдыха на джайляу, оставив позади несколько дней пути. Соскучившись за лето по друзьям, с волнением смотрел на большое здание корпуса на противоположном берегу, которое стало для него родным домом. Он каждый раз возвращался не с пустыми руками. По поручению учителя литературы Костылецкого, в аule он обычно занимался записыванием образцов казахской устной литературы. На песни и дастаны, сказки и легенды, впитанные с малых лет, он теперь смотрел другими глазами. Оказывается, они – настоящее неисчерпаемое сокровище с удивительной духовной мощью. В этом он убеждался каждый раз, когда вместе с Костылецким переводил их на русский язык, а учитель восхищенно отзывался по каждому произведению.

Его неразлучный друг по корпусу Гриша Потанин в последнее время тоже живо интересовался казахской жизнью и бытом, о которых постоянно рассказывал Чокан. В свободное время тот почти не отходил от него. Грише особенно интересно было слушать о казахских приемах охоты, сокольничества. Причем он старался многие вещи тут же записывать, чтобы не забыть. А Чокан не просто рассказывает обо всем этом, но и рисует в тетради друга принадлежности для соколиной охоты, фляжку и даулпаз (маленький барабан с одним дном, употребляемый при охоте с ловчей птицей), ружье, патронташ и т. п.

Свидетельством тому, что этот особый талант Чокана-ученика проявился еще в годы учебы, служит следующее воспоминание его очень близкого друга, впоследствии ставшего знаменитым путешественником Потанина: *«Он уже был взрослый, тогда как мы, старшие его летами, были по сравнению с ним еще мальчишками без штанов. То, что он знал, в чем превосходил нас, он не пропагандировал в товарищеской среде, но при случае беспрестанно обнаруживалось его превосходство в знаниях. Как бы невольно, он для своих товарищей, в том числе и для меня, был «окном в Европу».*

Каждый класс в корпусе, как правило, имел своего вожака. Но школьная среда была не совсем интеллигентна, так, в классе, в котором учился Чокан, «вожаком» был мальчик без особого умственного таланта, но зато с практическими наклонностями. «Вожак» начал с того, что каждое воскресенье вечером становился у входных дверей, встречал возвращающихся из отпуска кадетов и выпрашивал у них конфет, которые те всегда приносили. Но он не съедал их, а в середине между воскресеньями, когда у остальных кадетов конфеты уже закончились, предлагал лакомкам в обмен на карандаши, бумагу и т. д. Таким образом, у него вырос магазин всяких канцелярских принадлежностей, бумаги, карандашей, перочинных ножей, резинок... Все это он опять ссужал товарищам за разные услуги: за снабжение записками по предметам преподавания, за репетирование и пр. Благодаря этому он учился сносно, хотя вовсе был лишен способностей. Чокан объявил ему войну; он начал преследовать с детской жестокостью его торгашество насмешками и вооружил против него товарищей. Маленький мироед был разоблачен и уничтожен, и, оставленный без тетрадок и помощи, захудал окончательно в успехах по обучению. Низложив противника, Чокан сделался вожаком своего класса, пишет Потанин.

С юных лет он отличался своей нетерпимостью ко лжи, любовью к истине.

По свидетельству современников, Чокан был весьма силен в истории, географии, восточной филологии и литературе, но не испытывал усердия к математике. Хотя к этой его слабости учителя корпуса относились снисходительно.

Однажды в класс, где кадеты готовились к экзаменам, нагрянул известный своей строгостью инспектор корпуса Ждан-Пушкин. Группа учеников перед доской повторяла материал по математике, Чокан же сидел за своей партией, равнодушно взирая на происходящее. К кадету, соскочившему с места, инспектор обратился резко, с упреком: «Валиханов, а вы почему не готовитесь?» Чокан не растерялся. «Если бы я вместе со всеми стоял у доски, то это было бы обычным притворством, ибо от этого все равно материал не войдет в мое сознание. Если я в течение целого года не мог перенять эту науку непосредственно от самого учителя, то как могу одолеть ее за два-три часа от других?», – отчеканил он в ответ.

– Следуй за мной! – приказал Ждан-Пушкин и повел его в свой кабинет.

Кадеты подумали, что сейчас инспектор учинит с ним соответствующую расправу. Но, оказывается, случилось совсем другое – Ждан-Пушкин в своем кабинете посадил Чокана за стол и дал ему в руки журнал «Современник», являвшийся в то время зеркалом русской демократической мысли, свободы духа, и велел читать его...

Уже к пятнадцати годам Чокан заметно выделялся среди своих сверстников, и учителя корпуса видели в нем будущего большого исследователя, ученого. Начальство разрешило ему лично брать редкие книги и журналы из фундаментальной библиотеки. И он имел возможность оперативно знакомиться с новыми произведениями русских писателей, опубликованными как в журнале «Современник», так и в «Отечественных записках». Ему удалось ознакомиться в недоступном книгохранилище с ценными книгами: «Путешествия по разным провинциям Российской империи» знаменитого путешественника Палласа, «Записки о путешествии капитана Рычкова в казахские степи в 1771 году». Его, конечно, особенно заинтересовали те места этих произведений, где были описаны его родные степи. И сам мечтал когда-то совершить подобные путешествия.

В этой связи уместно вспомнить слова, сказанные Потанину однокашником Чокана Евгением Колосовым, впоследствии ставшим артиллерийским офицером. Как-то группа кадет стояла у задних ворот корпусного двора, выходящих на Иртыш. Отсюда открывается вид на степь, которая расстилается на противоположном берегу. Характер этой картины уже совершенно степной: безлесая равнина с уходящим в бесконечность горизонтом. Ощущение такое, будто стоишь у ворот в среднеазиатские пустыни. Чокан стоял в группе и развивал свою мечту: может быть, он проникнет в эту степь до южных пределов, сколько он вывезет новостей из *terra incognita*, которая начинается чуть не у самого забора корпуса. Колосов вспоминал, как он был поражен мечтами Чокана, казавшимися ему необыкновенными.

Для этого, конечно, были веские основания, так как еще в стенах кадетского корпуса он с помощью своих высокообразованных наставников, в их числе особенно Костылецкого, изучил такие уникальные труды, как три тома «Описания киргизкайсацких орд и степей» А.И.Левшина, трехтомник «История о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» чувашского монаха Н.Я.Бичурина (отца Йакинфа), «Исторические карты Азии» Клапрота на французском языке, произведения Березина и Миллера по восточной истории, сочинения Абульгазы и Бабура, древние летописи и шежиры, описания путешествий Гумбольдта и Ковалевского.

О знаменитом немецком путешественнике-ученом Александре Гумбольдте в кадетском корпусе вспоминали с гордостью. Когда в 1829 году барон Фон Гумбольдт по специальному приглашению царя Николая I приезжал в Россию, он специально побывал в Омском военном училище и беседовал с воспитанниками. Его здесь встречали торжественно, с большим военным оркестром, четыре кадета приветствовали на русском, французском, казахском и монгольском языках. О том, что Гумбольдт осматривал библиотеку, классные комнаты, остался доволен уровнем учебного процесса, постоянно рассказывалось на занятиях, на всевозможных праздничных мероприятиях..

Накануне перевода Чокана на последний курс в учебную программу корпуса были введены ограничения для казахских детей. Тогдашний директор корпуса генерал-майор Павловский, договорившись с петербургскими чиновниками, посчитал целесообразным не проводить на последнем курсе, на котором преподаются военные предметы, специальные занятия с казахскими учениками. Здесь, видимо, имело место опасение, что обучение военному делу инородцев в будущем может обернуться угрозой для себя же. Согласно этому распоряжению Чокан учебное заведение окончил в 1853 году в чине корнета кавалерии, на год раньше одноклассников.

По известным на сегодняшний день сведениям, Чокан – первый казах, окончивший Сибирский кадетский корпус. Как гласят материалы Омского государственного архива, казахи стали поступать в это учебное заведение только после Чокана. Одним из воспитанников корпуса после него был выпускник 1859 года Гази Булатович Валиханов (внук Губайдоллы, первенца Валихана). Впоследствии Гази Валиханов – полковник, генерал Императорского лейб-гвардейского полка. Также корпус окончили в 1865 году Айтұаров, в 1866 году – Махмет Валиханов (сын Кангожи – младшего брата Чингис султана). В 1867 году, когда корпус был преобразован в военную гимназию, среди окончивших ее по 1-му разряду был младший брат великого Абая Халиулла Ускенбаев. Для продолжения учебы Халиулла был направлен в Петербург, в Александровское военное училище. Среди выпускников 1868 года встречаем имя младшего брата Чокана – Махмута (отслужив несколько лет на военной службе, в звании поручика он вышел в отставку и обосновался в Сырымбете).

В 1885 году это военное учебное заведение вновь стало называться кадетским корпусом. На следующий год его окончил по 1-му разряду Абдильазиз Бекметов и был направлен в Петербургское Павловское училище. В девяностых годах еще трое казахов окончили сей корпус. Первые двое – братья Темирғали и Омар Айтбакины (первый затем направлен в Михайловское артиллерийское училище, второй – в Николаевское инженерное училище), третий – сын тогдашнего старшего толмача Степного генерал-губернатора и редактора газеты «Дала уалаяты», выходившей в Омске на казахском языке, Ешмухамета Абылайханова (сын Сюка, потомка Абылая, который поставил его управлять родом жалаир) Бағдатша Абылайханов, он окончил корпус в 1898 году вместе с будущим генералом, Героем Советского Союза, знаменитым инженером-фортификатором Дмитрием Карбышевым, затем оба были направлены в Петербургское Павловское училище. Также среди выпускников корпуса 1889 года был известный генерал, впоследствии возглавивший белогвардейское движение против большевиков, Лавр Корнилов, мать которого была казашкой...

